

САУЛЦЕРИТЕ ВИЕСЕ

КРИШЬЯНИС БАРОН

История жизни

РИГА «ЛИЕСМА» 1985

Перевел с латышского (машинописный оригинал)

Юрий Абызов

Художник Майя Драгуне

Фоторепродукции Юриса Криевиньша

В 4603010201- 213
М801(11) – 85

© Издательство
«Лиесма», 1985

ВВЕДЕНИЕ

У каждого народа есть памятники духовной культуры, силой искусства увековечившие выдающиеся исторические события, героев и их подвиги. Но мало таких народов, в искусстве которых повседневная жизнь на всем ее протяжении отражалась бы с таким художественным блеском, с такой мозаичной яркостью, как она предстает в четверостишиях латышских народных песен. Начиная с того момента, когда детская душа, как звездочка, скатывается «к двери матушки родной», и вплоть до часа, когда, завершив свои земные дела, человек упокоится на кладбищенском холме и, еще сохраняя в себе дыхание жизни, тихо вслушивается, как «Мимо шествуют буренки, Пастухи проходят с песней».

Величайшее сокровище искусства латышского народа - именно этот «эпос повседневности», состоящий из сотен тысяч народных песен, бытовавших в самых разных местах Латвии и несущих в себе разнообразие жизни этих мест. И омытого волной курземского берега, где «Пена белая морская, А еще белее парус». И живописных холмов Латгалии, где «По-за озером березки С серебристою листвою». И видземских лесов и роц, где, распевая, молят: «Топи, топи, чащи, чащи, Голосочек мой верните». И земгальской плодородной равнины, где «Хвалится ржаная нива, Что пригнет мне нынче спину».

Столетиями, а может быть тысячелетиями народная песня была главным способом выражения духовной культуры латышских племен и становящейся латышской нации. Древнее латышское племя, относящееся к балтийской ветви индоевропейских народов, тысячелетия назад появилось на берегах «янтарного» Балтийского моря, на скрещении исторически важных путей. Здесь течет Даугава, река судьбы народной, легендарный путь из варяг в греки. Археологи находят в древних городищах (расцвет которых приходится на IX-XII вв. н. э.) не только поразительно разнообразные орудия труда, металлические изделия, украшения и одежды местного производства, но и русские топоры и браслеты, скандинавские копья, франкские мечи, византийские стеклянные бусы, пряслица из Приднепровья, арабские монеты - дирхемы, раковины каури с островов Индийского океана, использовавшиеся в качестве денежных единиц. Но памятников письменной культуры этого времени найдено не было, вполне возможно, их и не существовало. В XII веке начинается нашествие германских рыцарей в Прибалтику. В ходе беспощадных войн сменяются германское, польское, шведское владычество, пока, наконец, в XVIII веке территория Латвии не входит в состав Российской империи. Но фактически народ

находится в полной материальной и духовной зависимости от немецких помещиков, в руках которых все права на владение большей частью земли.

Каким было народное творчество в эти суровые времена, судить очень трудно. Во время войн, голода, эпидемий вымирали целые области, стирались из памяти народной песни предания. Первые записи латышских народных песен опубликовал прибалтийский немецкий историк и поэт Фридрих Мений в 1632 году в книге «*Syntagma de Origine Livonogum*», изданной в Дерпте. Те немногие путешественники и немногочисленные представители прибалтийской интеллигенции, которые без предрассудков и предвзятости старались увидеть жизнь угнетенного народа, были изумлены и восхищены богатством этих песен, сопровождающих всю жизнь латышского земледельца.

«У латышей непреодолимое стремление к поэзии... Даже сам язык их уже наполовину поэзия, - писал немецкий литератор XVIII века Теодор Хиппель, - даже простолюдины, когда они в приподнятом настроении, изъясняются стихами».

С 1764 по 1770 год в Риге живет великий немецкий просветитель Иоганн Готфрид Гердер. В своих «Народных песнях» он приводит первую подборку латышских песен в переводе на немецкий язык с анализом их содержания. «У латышей особая поэзия и музыка; и это указывает на природу, каковая была и остается их подлинным учителем». Гердер особо подчеркивает поэтичность любовных песен, в которых с помощью тонких нюансов и легкой меланхолии создаются трогательные образы.

В 30-е годы XIX века Европу объездил немецкий географ Иоганн Коль. Наблюдательный Коль поражался: столетиями лишённые возможности получать образование, неграмотные, с виду грубые крестьяне почти все были поэтами. Они создавали свою поэзию интуитивно, даже не вполне понимая ее эстетическую ценность. Так, как раковина порождает жемчуг. Но «мораль, которую она содержит, наблюдения над небом, ветром, погодой, жалобы на беды, рассказы о лесах, о лугах... все это изображено так красиво, будто взято из Соломоновой Песни песней... Поистине сейчас трудно сыскать в Европе народ, который столь бы заслуживал звание поэтического народа, и край, который с таким правом именовался бы краем поэзии, как латышский народ и латышский край».

На сегодня в хранилище Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР насчитывается миллион двести тысяч песенных текстов.

«Территориально маленькая Латвия, как бы это невероятно ни звучало, в отношении фольклора - настоящий исполин, - пишет известный чешский балтист профессор Радегаст Паролек. - В этих поэтических миниатюрах выражалась душа выносливого, немногословного, трудолюбивого и на редкость высокоморального народа. Поражает особая поэтичность дайн, основанная (в сравнении с литовскими) более на определенном типе воображения, чем на типе интонации. Мы, чехи и словаки, тоже поющий народ, у нас тоже много прекрасных песен. В наших сборниках опубликованы записи тысяч песен, как и у поляков и русских. Несколько больше - у югославов, но что все это по сравнению с сотней тысяч песен, записанных в Литве и Эстонии, и с поистине поразительным фактом, что в фондах Академии наук Латвийской ССР зарегистрировано более миллиона дайн! Это явление уникальное в мировом масштабе, богатство непомерное, которое следует хранить как зеницу ока».

Интенсивное собирание и публикация этих песен продолжается уже более века, т. е. с того времени, когда складывается и бурно развивается латышская письменная литература. В записывании народных песен принимали и принимают участие самые широкие слои населения. Среди тех, кто записывал их, можно назвать сотни выдающихся деятелей культуры, писателей, композиторов, учителей с широким кругом духовных интересов. И сотни пахарей, рыбаков, ткачей, пасечников, которые и в школе-то, наверное, поучились года два-три и тем не менее посылали собирателям листки, исписанные их натруженными руками. Собирание этих бесчисленных песен было священным делом всего народа. Делом сохранения и развития демократической культуры.

О первых собирателях народных песен сохранились рассказы и воспоминания. О том, как один крестьянин, лишь записывая дайны, по-настоящему научился писать. Как молодая мать могла уделять этому занятию только время, проводимое у колыбели. О том, как четыре сестры, талантливые певицы и искусные ткачихи, как-то заполучили в собственность пустой судовой журнал и двадцать лет подряд записывали в него песни своей округи и зарисовывали образцы узоров. Это было дело, за которое не ожидали вознаграждения. И выполняли его те, у кого в жизни редко выдавалась свободная минута для отдыха и веселья, те, кто рано вступил в борьбу за лучшее будущее угнетенного класса. Весьма примечательны в этом отношении воспоминания латышского поэта Карлиса Скалбе, где он описывает мрачный период карательных экспедиций. После революции 1905 года поэт скрывался в Финляндии. Время от времени он получал книги и газеты, где сообщалось о кровавых событиях на родине. Как-то вместе с газетами пришел и очередной том издаваемых Кришьянисом Бароном «Латышских дайн» с приведенным в конце книги перечнем имен людей, записавших эти песни. Карлис Скалбе писал: «Я одновременно читал «Латышские дайны» и газеты, которые приносили с родины потрясающие вести: кто расстрелян, кто арестован, кто сослан. И часто я находил одни и те же имена - в списке собирателей и в хронике казней...»

Основная роль в процессе собирания и издания народных песен принадлежит Кришьянису Барону, которого в народе звали Отцом дайн. Сорок пять лет отдал Кришьянис Барон обработке, изучению и систематизации фольклорных записей. Он не только составитель, но и серьезный и вдумчивый ученый. В кипящем, многозвучном, наводненном вариантами хаосе Кришьянис Барон уловил внутренние закономерности, позволяющие воспринимать дайны как единое, веками создававшееся повествование о жизни трудового человека, его горестях, радостях, любви, красоте природы вокруг него, о его моральных ценностях. И Кришьянис Барон, как и его корреспонденты, творили это историческое дело бескорыстно, не имея за него никакого вознаграждения. Вникая в самую суть песен, зная их почти все наизусть, Барон как бы впитывал, вбирал в себя мировоззрение, основанное на единстве природы, труда и веками вынашиваемой человечности.

Но до того, как стать легендарным Отцом дайн, Кришьянис Барон с юношеским жаром и самоотверженностью вместе с народом проходит период духовного пробуждения в середине XIX столетия. Он один из первых латышских писателей, публицистов-демократов, один из первых популяризаторов научных знаний, математик и астроном.

Глава I

МОЛОДОСТЬ

Вы куда же полетели,
Черны вороны в ночи?
То не черные не вороны,
То господские работники,
То господские работники,
Черные у них рубахи.

LD, 31683

Сейчас даже трудно представить себе условия, в которых прошла жизнь предков и родителей Кришьяниса Барона. Гарлиб Меркель, единственный остзейский немец, который в своих произведениях выступал как воинствующий защитник латышского крестьянина, писал в 1797 году в книге «Латыши»:

«Весьма возможно, что латыши ныне сияли бы среди европейских народов, весьма возможно, что у них уже были бы свои Канты, свои Гердеры, свои Виланды, весьма возможно, что они играли бы важную роль как на научном, так и на политическом поприще, если бы они были сами себе хозяевами. Но горестная судьба латышей распорядилась иначе. Характер их был изуродован, сам дух их втоптан в землю, цвет их нации уничтожен... Этим людям, в которых богатство и сила края, трудом которых как дворянство, так и духовенство живут в довольстве, этим людям приходится весной оставлять свои собственные поля необработанными, лишь бы успеть вспахать поля могущественного господина, чтобы осенью заплатить ему высокие подати, зимой без всякого вознаграждения ездить за десять, а то и за пятьдесят миль, отвозя господский урожай, так что весной часто приходится просто вымалывать хлеб у тех, кого они содержат, чтобы с будущего урожая вернуть долг с лихвой».

Крестьянин полностью зависит от своего господина. Зависимость сохранилась и после отмены крепостного права в Курляндии и Лифляндии (1817 и 1819 гг.); земля - единственный источник существования - находилась в собственности помещиков. Говорить о латышском народе и латышской интеллигенции и в голову не приходило: латыш - это всего лишь мужик, которого немецкие священники время от времени снабжали «литературой» - в основном душеспасительными книгами. Суть этой литературы сводилась к немногим словам: «Веруй в бога, слушайся господина». Если кому-то и удавалось избежать ярма и сколотить небольшое состояние, он переставал быть составной частью своего народа. Он просто не мог существовать в своем народе как ремесленник, торговец, ученый или поэт. Только теперь, в результате изучения старинных документов, постепенно выявляются среди прибалтийских ученых и художников лица явно латышского происхождения. Восстановлены и имена первых народных поэтов-борцов. Например, видземский крестьянин и ткач Киккулев Екаб. Сочинения его обнаружены в документах полицейского ведомства 80-х годов XVIII века, и в них мы читаем рассказ о жестокой судьбе крестьянина, описанной и в книге Гарлиба Меркеля «Латыши». Сам Киккулев Екаб вскоре после сочинения им стихов кончил жизнь в рижском каземате...

Семья Кришьяниса Барона, насколько сохранила это память матери его, Энгеле, жила на стыке древних мест обитания куршей и земгалов, в бывшей Струтельской волости (ныне сельсовет Виесату Тукумского района). Прадед Мартынь давно умер, но о нем в детстве Кришьяниса еще часто рассказывали как об умелом охотнике на волков. По этим рассказам и сложился у мальчика его образ: человек со старым ружьем в шалаше посреди леса, окруженный волками. Все пули уже выпущены, волки просовывают головы сквозь жерди шалаша, и охотник бьет их прикладом ...

Дед Ансис остался в памяти людской как хороший хозяин, в доме которого всегда водилось мясо, селедка и масло. И с лошадьми Ансис умел обращаться. Глядя, как он едет, старый струтельский помещик как-то воскликнул: «Эй, Ансис, да у тебя лошади получше моих!» Рассказывали, что Ансиса за его удачливость и представительную внешность прозвали бароном. Прозвище это потом закрепилось в качестве фамилии.

У Ансиса было четверо детей. Старший - Юрис, будущий отец Кришьяниса, появился на свет в 1796 году. После смерти отца и матери Юрис пошел в батраки. Женился он на дочери многодетного хозяина хутора «Аяслауки» Энгеле.

Батраку приходится работать за троих: в имении помещика, на полях хозяина и обрабатывать свой кусок земли, который выделялся семейному батраку для пропитания и содержания принадлежащего ему скота. Жилось Юрису нелегко. Преследовали лишения, болезни, неудачи с ведением крохотного хозяйства. Где искать утешения? В книге «Что мне рассказывала мать» Кришьянис Барон набросал краткий портрет Энгеле. набросок в какой-то мере раскрывает настроение, которое заставляло все это поколение стремиться к духовной стабильности и в конце концов приводило латышского крестьянина к книге:

«Первые годы, когда приходилось всем обзаводиться и устраивать жизнь, было тяжело, особенно матери - появилась целая орава ребятишек, требовавших ухода. Да тут еще со скотиной не ладилось. Словом, первые годы были истинным испытанием для молодой четы. Горести свои мать пыталась облегчить с помощью божественного слова. Отец купил богато изданную «Книгу песнопений и молитв», прозванную в семье «пудовиком», с деревянными обложками, обтянутыми кожей, и с двумя застежками; но читать её в доме было некому, потому что о волостных школах, где обучают грамоте, тогда и слыхом не слыхали. Однако мать не растерялась. Нашла в имении жену старого писаря, которая по воскресеньям показывала ей буквы и учила, как из них складывать слова. Достаточно было нескольких воскресений, чтобы старательная ученица смогла уже сама совершенствоваться в чтении. Мать была счастлива: она не только сама зачитывалась своей драгоценной книгой, но и выучила читать первенцев, которые в свою очередь учили младших братьев и сестер».

Так жена батрака Энгеле становится одной из первых книжниц в Струтеле. Муж в этом так и не преуспел, но весьма ценил познания жены и даже соорудил шкафчик, где можно было хранить единственно доступную и за большие деньги приобретаемую литературу - библию, молитвенные песнопения, календари и несколько номеров газеты «Латвиешу Авизес» («Латышские ведомости») - первого периодического издания для латышей. Каким бы ограниченным и примитивным ни было содержание этих изданий, они все-таки давали понять, что за пределами имения находится иной - широкий и разнообразный мир, что за сегодняшними событиями стоит древнее, даже фантастическое прошлое человечества.

Большие перемены внес в жизнь Юриса и Энгеле 1835 год. На хутор «Майкужи», где они работали уже лет десять, пришел приказ - Юрису явиться в имение. Все в доме всполошились - явиться в имение значило наверняка быть высеченным. Но на сей раз дело обстояло иначе. Барон Франк, заметив умелое хозяйничанье Юриса, предложил ему стать старостой, в обязанности которого входил надзор за работами в имении. Работа не очень-то приятная - подгонять на господских полях своих собратьев. Недаром в песне поется: «Будет староста болтаться В пекле вверх ногами». Юрис было отказался, но господское желание - закон, и семья перебирается в Струтельское имение.

Это как раз было время, когда латышам начали давать фамилии - до сих пор их звали только по имени или прозвищу, а то и по названию хутора, где они родились или работали. И вот в церковной книге за 1835 год под фамилией Барон был записан родившийся 31 октября (по старому стилю 19-го) восьмой ребенок Юриса и Энгеле — Кришьянис.

Кришьянис, Кришинь, Крит, а в некоторых документах - Кристап.

*

Баю-баю, мои детки,
И когда ж вы подрастете?
Чтоб в хозяйстве помогать,
Слушаться отца и мать?
LD, 2052

Каковы воспоминания Кришьяниса Барона о своих близких, о раннем детстве? «Отца по большей части не было дома, все занят был делами. Мы, ребятишки, видели его всегда серьезное и строгое лицо. Ему некогда было проводить с нами время. Мы его побаивались и не смели к нему ластиться. По натуре он был вовсе не таким уж строгим, у него было очень чувствительное, мягкое сердце», - так описывает Кришьянис Барон главу и кормильца семьи, где было шесть дочерей и двое сыновей.

Хотя Юрису Барону не довелось выучиться читать и писать, он весьма успешно, со знанием дела исполнял свои обязанности. Это хорошо понимал как барон Франк, так и его преемник Гернер. Последний, получив в свое владение Иле, перевел туда и семью Барона.

На третьем году жизни маленький Кришьянис попадает в новые условия. Именно к этому времени относятся первые существенные впечатления об окружающем мире. В центре всего - мать. Мать заботится и воспитывает. Мать бранит и ласкает. Мать вводит в практическую жизнь, с ранних дней заставляет полагаться на свои собственные силы, так как «детская самостоятельность была главным ее воспитательным средством». Мальчишкам она разрешает пользоваться ножами, учит владеть иглой - ставить заплатки, чтобы знали цену одежде. Мать учила своих детей умело хозяйствовать. В начале недели она выдавала каждому туюсок с маслом, позволяя распорядиться им по своему усмотрению. В первую неделю масло чуть не сразу же было роздано друзьям, кошкам и чересчур щедро намазывалось на хлеб, на следующей неделе над ним тряслись так, что туюсок и наполовину не был съеден, и вот, наконец, наступал момент, когда дети приучались обходиться с ним так, что хватало на все.

Ребята все время были подле матери - и дома, и на работе в поле, быстро получая представление об окружающем, о разных явлениях природы и человеческой жизни. Это непрерывное узнавание, разъяснение сотен «почему?» и есть первая школа деревенских детей. И как бы необычно это ни было на первый взгляд, в ходе такого воспитания самым впечатляющим была сказанная или пропетая матерью песня. Спустя годы во вступлении к разделу детских песен, представленных в первом томе «Латышских дайн», Кришьянис Барон писал:

«Народная песня будоражила, заставляла работать и развивала детский ум, пробуждая интерес к каждой вещи, с которой ребенок сталкивался, предлагая ему в виде присказки свое толкование. Недостатка в воспеваемых предметах не было, так как ребенок интересуется всем, что видит, а в сокровищнице народной хватает песен, которые почти о любом предмете могут что-нибудь сказать».

Детские песни в понимании Кришьяниса Барона - это «плод древней культуры и древних условий», средство воспитания молодой личности. Присутствие песни в жизни крестьянского ребенка является таким же естественным, как воздух, хлеб, вода. Песня передает опыт прошлого, передает любовь к жизни - единственное богатство, которое не смогли расточить проведенные в рабстве столетия.

Песня, начиная с первой колыбельной, сопровождает ребенка повсюду. Мать поет, рассказывая о мышке, которая тащит воз, нагруженный сном. Мышка шныряет «по углам, по щелкам, через порог, под дверью», всем достанется по горстке сна, а нашему маленькому - «целая пригоршня». Следом за мышкой в детский мир входят домашние животные, в первую очередь постоянно ссорящиеся - кошка и собака. Потом малые и большие лесные звери, птицы, насекомые. У каждого из них свои заботы, огорчения и радости, удивительно похожие на те, что у людей и особенно - у детей.

В церковь ехать котик,
Он босой, нечесаный.
Кто же котика обует?
Кто же котика причешет?
LD, 2245

Песни для детей складываются как миниатюрные сказочки. Их первая задача - усыпить ребенка, успокоить. Затем - приучить к самой простой работе: причесаться, обуться. Далее - узнать свою усадьбу, соседей. А по мере того, как ребенок растет и расширяется его видение мира, песня лаконично вводит его в мир более сложных человеческих отношений и явлений природы.

Кто такой зеленой шалью
Одарил тебя, березка?
Одарили меня солнце
Да весенний дождичек.
LD, 2769

И как бы само собой дается представление о социальных противоречиях, с которыми приходится с первых шагов сталкиваться каждому ребенку:

Как живут на свете
Гогольковы дети?
Тот сидит весь в золоте,
Тот весь в серебре,
Этот ходит голый,
Плачется.
LD, 2456

Для ребенка, подготовленного колыбельными и детскими песнями, наступает пора учебы у другого великого воспитателя - природы. К ней его приводят первые обязанности: с семи-восьми лет приходится пастушить. Здесь есть определенная последовательность: сначала ребенок пасет гусей, потом свиней и, наконец, коров. И тут же сотни песен помогают ему, подбадривают на этом самостоятельном пути:

Вот идет пастушок,
Животишко подвело.
Мамушка, пеки хлебы,
Будет сытно и тепло.
LD, 29250

Гусей мать Кришьяниса не держала, в его ведение было отдано стадо свиней. Мальчик приучил их всюду следовать за собой, а сам мастерил дудочки, делал водяные и ветряные мельницы, рыбачил, словом, десятки занятий наполняли его день и пробуждали смекалку и сноровку. Ведь «матушка природа отличная воспитательница. Она богата на всякие явления, которые пробуждают, наше любопытство и мысль, если к ним присматриваться. Природа призывает нас к самостоятельности и оттачивает наш ум».

Но природа развивает не только ум и наблюдательность. Она пробуждает эмоции, это великолепная школа поэзии, музыкального вкуса и цветовой гармонии. В одном из первых своих стихотворений «Кто мне дал песни» Кришьянис Барон именно к пастушеским дням относит свое первое лирическое озарение, пробуждение поэтического чувствования:

...У ветров свистать учился...
Небо ливнями струилось,
Ручеек, журча, катился,
Море, словно битва, билось,
Буря трубно завывала,
Роща мягко ворковала...
И среди звучаний этих
Пробивались сотни песен.

И, наконец, большую роль в духовном развитии мальчика сыграл шкафчик с книгами его матери. Слушая, как читают старший брат и сестры, Кришьянис и сам рано овладел печатным словом.

*

Из какого древа челн?
Не гребут, а сам плывет.
Из какого рода сын?
Не послали - сам идет.
LD, 3069

Девяти лет Кришьянис лишился отца. Весной 1844 года Гернер послал Юрису осмотреть имение, которое он задумал купить. В половодье, переправляясь через Венту, отец упал в ледяную воду, после чего тяжело заболел. С постели он так и не встал. Последним наказом его было: Кришьяниса без образования не оставлять.

С обучением в местечке Добеле ничего не получилось. Некий церковный причетник обучал детей говорить и читать по-немецки, но о прочем не имел никакого понятия. Ребятишки, собиравшиеся со всей округи, прихватив с собой тюфяки, наготовленную впрок похлебку и каравай хлеба, целые дни были предоставлены самим себе. Неухоженный, запущенный, больной, так ничему и не выучившийся, мальчик вернулся к матери.

А тут еще обстоятельства изменились. Гернер, всегда одобрительно отзывавшийся о работе своего старосты, после его смерти отказал осиротевшей семье в поддержке и проживании в имении Иле, считая, что он достаточно потратился, вызывая для Юрису врача. Ангеле с Кришьянисом поселяется в Валпене Дундагской волости, где жила ее замужняя дочь Кристина. Здесь до конца своих дней прожила и Ангеле, здесь прошли мальчишеские годы Кришьяниса. Здесь, в Дундаге, начинаются его настоящие годы учения в Кубельской школе.

Кубельская школа вошла в историю латышской культуры как одна из лучших волостных школ в Латвии. Когда в тридцатых годах прошлого века помещики получили от российского правительства предписание устраивать для крестьян школы, владелец Дундаги отвел под школу полуразвалившийся дом лесника в самой чаще леса, чтобы не слышать гомона детей и чтобы не очень-то их тянуло в такую даль. Учителем он назначил своего кучера Эрнеста Динсберга, который самоучкой овладел чтением, письмом и счетом, а прислушиваясь к разговору господ, усвоил и немецкий язык. Фон Остен-Сакен был уверен, что «здесь иностранным языкам и наукам учить не будут».

И все же владелец Дундаги просчитался. Эрнест Динсберг стал одним из ярких и благородных представителей первого поколения латышской интеллигенции, которое рвалось к образованию и стремилось передавать свои знания соотечественникам. Ночи напролет, при свече, переводил он с немецкого языка стихи, исторические и естественно-научные очерки, статьи по этнографии и географии, даже сам сочинял стихи. Тяжелый, сложившийся под явным влиянием Библии язык, некоторая ограниченность содержания, но какая жажда света, какая вера в право своего народа жить по-человечески! Какая самоотверженная работа в школе, помещение которой надо было перестраивать и обставлять своими руками, а единственным вознаграждением за это в течение ряда лет было право обрабатывать находящийся при школе кусок земли! Нравственное кредо Эрнеста Динсберга лучше всего выражает его стихотворение «Парус и пароход».

Не тот отважный, кто идет
По ветру, против быть не смея,
А тот, кто, словно пароход,
Волну взрезает, спора с нею.

Для крестьянских детей, которые явились сюда из приземистых, ушедших в землю домов, срубленных из неотесанных бревен, новая Кубельская школа казалась самым

совершенством. Сохранилось одно написанное аккуратным почти каллиграфическим почерком школьное сочинение, которое, вероятно, лучше всего передает атмосферу школы Эрнеста Динсберга:

«Дом, где наша школа, это красивый и славный дом... Туда все мы должны ходить учиться и бодро стремиться вперед... В нашей школе на стенах четыре ландкарты. По этим ландкартам шульмейстер учит нас, детей, узнавать страны, реки, моря и так далее. В нашей школе восемь столов, за ними мы сидим и учимся. На них лежат наши книги, чернильницы, вставочки для перьев. Есть в нашей школе большой шкаф. И есть еще в нашей школе большая фисгармония, и еще две печки, и три лежанки, и две лампы, и три большие черные доски. На двух шульмейстер пишет нам прописи, на одной - ноты. В нашей школе десять больших окон...»

Настойчивость учителя, его упорство, вера во всемогущество просвещения - хороший пример для Кришьяниса Барона в дальнейшей жизни. Эрнест Динсберг руководит выбором жизненного пути своего воспитанника. После двух лет обучения он уговаривает шурина Кришьяниса Карлиса Кронберга дать мальчику возможность учиться дальше.

В 1847 году Кришьянис Барон становится учеником начальной, а затем уездной школы в Виндаве (Вентспилсе). Виндава - тонущий в грязи, окутанный туманами небольшой порт в устье реки Венты. Поселение торговцев, мореходов, рыбаков с древних времен. Виндавцы поют:

У селедки две дочурки,
Ходят - так и крутят задом;
А навстречь сынки трески –
Скидывают картузы.

LD, 30853

Мальчику нравится морской простор, спокойное устье Венты, в свободное время он катается на лодке, плавает, зимой бегаёт на коньках, подаренных ему каким-то матросом. Учение дается ему легко, учителя единогласно считают, что у него светлая голова, глубокие знания, самостоятельное мышление. Вот только плоховато с деньгами. Скучные средства шурина вскоре иссякли. Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба Кришьяниса, если бы в то время, когда обучение в уездной школе подходило к концу, Виндаву не посетил генерал-губернатор Прибалтийского края князь А.А.Суворов, внук прославленного полководца. Несколько лет назад он поддержал сына арлавского крестьянина Кришьяниса Валдемара, дав ему возможность поступить в Либавскую (Лиепайскую) гимназию. Когда Суворов посетил школу, учителя представили ему Кришьяниса Барона как лучшего ученика. Счастливая случайность, но в этой случайности проявились определенные закономерности. Развивающаяся промышленность Латвии, одной из наиболее удобно расположенных российских губерний, настоятельно требовала рабочих рук, инициативных, пытливых умов. Их могли дать низшие слои народа, жадно стремившиеся к лучшей жизни. Чиновники канцелярии Суворова обратились к владельцу Дундаги Остен-Сакену с предложением обеспечить Кришьянису Барону возможность учиться дальше. Остен-Сакен остался верен принципу, руководствуясь которым он устроил школу в лесной глуши: он считает ненужным давать высшее образование детям мужиков. Тогда Суворов повторил это предложение Гернеру. Гернер обещал назначить стипендию.

Осенью 1852 года Кришьянис Барон приезжает в центр Курляндской губернии - Митаву (Елгаву) и поступает в гимназию. Деньги из Иле (всего 183 рубля) он получал только в первый год учения, затем поступления прекратились. Пришлось полагаться на собственные силы и на близких, главным образом, на поддержку Кронберга. За выдающиеся успехи в учении Кришьянис Барон ряд семестров получает стипендию, хотя

некоторые учителя и высказывались в духе Остен-Сакена: раз нет денег, нечего думать об образовании.

Губернская гимназия в Митаве имела славное прошлое. Основанная в 1775 году, она более полувека носила название Петровской академии (Akademia Petrina), по имени ее основателя Курляндского герцога Петра Бирона. В начальный период своего существования это «выдающееся для своего времени учебное заведение и научно-исследовательский центр на территории теперешней Латвийской ССР... Преподаватели Петровской академии - академической гимназии - были первыми подвизавшимися в Латвии профессиональными учеными. И.Фербер, В.Бейтлер, Г.Паукер, И.Безеке и особенно связанные с Митавским научным центром Т.Гротгус и Э.Эйхвалд оставили заметный след в истории мировой науки». В период, о котором идет речь, гимназия превратилась в обычное среднее учебное заведение с довольно заурядным преподавательским составом, но при ней имелась обсерватория (первая в Латвии), кабинеты-лаборатории и обширная научная библиотека, которую можно было считать самой большой школьной библиотекой в России. Приведением библиотеки в порядок некоторое время занимался Кришьянис Барон. В известной мере это было изъяснением его благодарности за стипендию, которую давало ему руководство гимназии.

Хотя прибалтийские немецкие круги еще и в середине века пытались сохранить Митавскую гимназию «как дворянское (т. е. немецкое) учебное заведение», туда все чаще проникают дети поляков, литовцев и зажиточных евреев, есть даже несколько латышей, но само по себе поступление в Akademia Petrina означало отречение от своей национальности, которая не сулила никакой перспективы.

Для Кришьяниса Барона это онемечивание и равнодушие к братьям по языку, к судьбе низших слоев народа было неприемлемо. Небольшой, но суровый жизненный опыт способствовал тому, что у Кришьяниса сложились свои взгляды на назначение интеллигенции. Он ощущает свою причастность к народной судьбе, разделяет веками копившуюся в народе ненависть к угнетателям и чувство исторической справедливости.

«Ствол народа слишком глубоко ушел корнями в свою землю. Бури могли оборвать какую-то его листву, растрепать ветви, некоторые даже обломать, но сам ствол оставался недвижимым. Этот ствол народа признавал тогдашнюю власть немцев, но воспринимал ее как насилие чужаков, вторгшихся в принадлежащую ему землю... К этому стволу народа я стою близко», - писал Барон в своих воспоминаниях, касаясь гимназических лет. Это чувство близости к народу, ощущение своих корней определило цель его жизни:

«Я хотел, чтобы латышский народ как таковой сравнялся с немецким и другими народами. Для этого надо было прежде всего, чтобы ученые и образованные латыши не отчуждались от своего народа, а открыто признавали себя членами его и силы свои отдавали ему, т. е. активно споспешествовали как духовному, так и материальному преуспеянию народа».

Были ли в то время в Латвии еще молодые люди, разделявшие взгляды Кришьяниса Барона?

Оказывается, были. В 1853 году Барон читает строки из книги «300 рассказов» Кришьяниса Валдемара: «Ах, протяните вы, кому господь помог выйти к свету и наслаждаться лучами его мудрости, протяните же руку своим братьям, находящимся в темноте, и извлеките их на свет!» Автор - тот самый юноша, которому генерал-губернатор помог окончить Либавскую гимназию.

За год до Кришьяниса Барона появляется в Митавской гимназии еще один латыш - Юрис Алуна. С Бароном в эти годы он не познакомился по той простой причине, что метод обучения Алуна решительно отличался от принятого в гимназии. В классе он почти не бывал и материал осваивал, самостоятельно готовясь к экзаменам. Неделями не выходил он из своей комнаты, изучая языки, взятую в библиотеке литературу, переводя на латышский язык стихи иностранных классиков и ломая голову над созданием новых слов. Среди его переводов есть и строки из немецкого поэта Фридриха Рюккерта:

Что пишешь ты, певец? Спешу я закалить
В огне мое перо - чтоб гневно пристыдить
Себя и свой народ, что не обрел свободу.

Но вскоре наступает время, когда Кришьянис Барон надолго связывает свою деятельность и с Юрисом Алунаном и с Кришьянисом Валдемаром. В декабре 1855 года он с отличием заканчивает Митавскую гимназию. Аттестат дает ему право поступить в университет без вступительных экзаменов. Наибольший интерес в гимназии у него вызывали математика и астрономия, эти предметы он и решил изучать дальше. Собрав денег у родных и знакомых, Кришьянис Барон в январе 1856 года в почтовой карете прибывает в университетский город Лифляндской губернии - Дерпт (Тарту). За два года до него тот же путь проделал Кришьянис Валдемар, за год - Юрис Алунан. Предварительные собеседования с профессорами, торжественная имматрикуляция. И вот новоиспеченный студент отправляется искать своих земляков в городе, который кишит будущими учеными и общественными деятелями самых разных национальностей, съехавшимися со всех концов России. И как вызов тем, кто, являясь в Дерпт, одновременно отрекался и от своего прошлого, и от своего угнетенного народа, на двери визитная карточка:

C.Waldemar
Stud. Cam. Latvietis. ¹

¹Кр. Валдемар, студент экономического факультета. Латыш.

Глава II

ДЕРПТСКИЕ ЛАТЫШИ

Родник на горных склонах
Улыбкою солнце дарит
И весело полны живые
В тенистые доли струит.

Он чаёт тучные нивы
Влагой своей оживить,
Мечтает древо жизни
В райском саду напоить.

Эти две строфы из своего стихотворения «Река и жизнь человеческая» Барон в 1858 году вписал в альбом Валдемару, который окончил Дерптский университет. Примечательна характеристика всех трех латышских студентов, дальнейшую судьбу которых он отразил в дописанных позже строках:

Но скалы могучие грозно
Преградой пред ним встают
И выйти из мрака ущелья
Потоку тому не дают.

Коль нету путей свободных,
Тогда остается одно:
Подтачивать скалы эти,
Уйдя на самое дно.

И рухнула скал твердыня,
Свалилась грудой камней.
Лишь скрытая капелька: где-то,
Сверкнула слезинкой над ней.

Поток же с повою силой
Струится по лону земли,
Чтоб в долах травы и злаки
Взошли, зеленели, цвели.

Визитная карточка Валдемара вошла в историю латышской литературы как первая вызывающая демонстрация молодой латышской интеллигенции против идеологии остзейских помещиков, которые в каждом латыше видели только представителя низшего класса. Но визитная карточка была лишь началом.

15 февраля 1856 года Кришьянис Барон пишет брату Ансису на родину: «Я тут познакомился с соотечественниками, и мне приятно сознавать, что мы, латыши, начинаем держаться заодно куда больше, чем раньше... Мы тут собираемся, обсуждаем, что можно сделать для развития народа, чтобы мы, весь народ, могли день ото дня все больше продвигаться вперед».

Энергичные, полные юмора, убежденные в своей правоте, иной раз вступающие в конфликт с полицейской системой надзора в университете, члены кружка - около двадцати человек - обладали высокими гражданскими и нравственными идеалами. В то время, когда из ученых людей латыши знали единственно пастора и, в лучшем случае, врача, совершенно непрактичными и даже дерзкими казались специальности, избранные, друзьями. Кришьянис Валдемар - экономист, Юрис Алунан - языковед и экономист, Кришьянис Барон - математик и астроном. И все же как совпадало то, что юноши избрали предметом своих занятий, с тем, что они выдвинули как высшую цель своей жизни приблизить «новое время»!

Дерптские студенты-латыши знали: землей их веками владели остзейские помещики, духовное развитие народа сдерживали немецкие пасторы. Осуждая национальный гнет, они одновременно выступали против проявлений феодализма в Прибалтике и искали средства для экономического и культурного развития народа. Как прирожденный экономист, именно Валдемар в это время стал страстно пропагандировать участие латышей в бурно развивающейся промышленности, вызванной к жизни развитием в России капиталистических отношений, разумеется, не предвидя драматических противоречий, к которым приведет это развитие. Вести свое хозяйство современными методами, вырвать свою усадьбу из-под власти господина. Если это не удастся, перебираться в те русские области, где бароны не всеильны. А то - садиться на корабли, устанавливать международные связи, заниматься мореходством, торговлей.

Духовно же - сближаться с другими народами России и теми кругами, которые следуют гуманистическим традициям Ломоносова, Пушкина, Лермонтова. Доказать, что латыши могут наравне с другими нациями усваивать сокровища мировой культуры, выявить культурное наследие своего народа, которым можно делиться с другими...

Дерзостным доказательством этого служит творчество самих юношей. В начале 1856 года, еще в период пребывания Юриса Алунана в Митавской гимназии, выходит его книга «Песенки, на латышский язык переложенные».

Сборник включал переводы стихов Овидия, Гете, Гейне, Рюккерта, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Челаковского и др. В литературоведении эту книгу (в повторном издании в нее были включены и оригинальные произведения Алунана) справедливо считают началом современной латышской поэзии.

В предисловии автор пишет: «Когда я переводил эти песенки, у меня была такая мысль: хочу доказать, какой сильный и красивый латышский язык». Немецкие священнослужители, которые десятилетиями навязывали крестьянам только церковные песнопения и назидательные толкования заповедей, удивлялись: да где он, тот латышский народ, который сможет понять поэзию Шиллера, Гете и Лермонтова? Образованные латыши? Да ведь их нет и быть не может! Пастор Браже возмущенно назвал дерптских студентов младолатышами, по аналогии с революционным движением в Германии, которое называлось «Молодая Германия». Название, звучавшее как хула, дерптцы радостно принимают как свой отличительный знак. Они молоды, жаждут прихода новых времен, они несут своему народу новые, свежие идеи.

«Деятельность младолатышей была направлена против реакционного феодального гнета, против застывших бытовых норм и канонизированных литературных традиций. Зарождалась новая литература, которая выражала мечты и стремления латышского народа, боролась за пробуждение латышского национального самосознания. Младолатыши были пламенными публицистами, популяризаторами науки и общественными деятелями. Они ратовали за права латышского языка и латышских школ, занимались языкознанием, этнографией, фольклористикой, историей».¹

¹ История латышской литературы: В 2-х т. Рига, 1971, т. I, с. 50-51.

Немногочисленные стихи, в которых младо-латышские тенденции проявляются с особой силой, в конце 50-х - начале 60-х годов пишет Кришьянис Барон. В формальном отношении он придерживается общепринятого классического стиха с рифмованными строфами (народные песни по большей части нерифмованные). Стихи эти полны юношеской жизнерадостности, несут заряд неумемной энергии, проникнуты пониманием социальных задач. Помимо уже приведенного стихотворения «Река и жизнь человеческая», которое давно стало неотъемлемой частью хрестоматийной латышской лирики, широкой популярностью в народе пользовались стихи Барона «Наше наследие» и «Две усыпальницы», направленные против духовной косности немецкого дворянства, захватившего богатства народа, против кичливости этого сословия.

Преданьем лет, давно минувших,
Насильем дел, людей согнувших,
И славою отцов
Иной всю жизнь свою кичится,
Но сам не может отличиться
Ничем в конце концов.

Привет друзьям, вперед идущим!
Богатство наше все в грядущем!
Оставим мертвых спать.
Для нас заколосятся нивы,
Их ширь заполнит все разливом,
Нам сил не занимать!

Ряд стихов и переводов (из Шиллера, Мура) опубликовал и Валдемар. Но основное внимание молодые люди уделяли популяризации научных сведений. И это им в самом начале весьма удалось.

Вот уж точно тот соврал,
Кто сказал, что Сауле² спит.
Разве там она встает,
Где заходит вечером?
LD, 33813

² Сауле – Солнце - мифологический образ в латышском фольклоре, божество, от которого зависит жизнь на земле.

В середине 1856 года начала издаваться новая - вторая по счету - латышская газета «Маяс Виесис» («Гость в доме»), которая просуществовала до 1908 года. Издателями ее были не пасторы, а немецкие коммерсанты, рассчитывавшие получить на этом деле хорошую прибыль. Редактором пригласили латыша, сына батрака из-под Риги Ансиса Лейтана. Это был самоучка, получивший образование ценой героических усилий, неизменно стремившийся к знаниям и «вознесению разума», но сформировавшийся в духовной зависимости от немецких священников.

Как только младолатыши узнали о выходе новой газеты, они тут же предложили свои услуги. Лейтан был счастлив, что нашлись образованные помощники. Именно в результате деятельности этих помощников «Маяс Виесис» в первые годы своего существования обозначила переход от Немецких изданий для латышей к латышской периодике в истинном смысле этого слова и, разумеется, доставила так называемым «друзьям латышского народа» неприятные переживания. Браже, который был недоволен «Песенками» Алуна, в 1861 году жаловался на «Маяс Виесис» в ежемесячнике «Baltische Monatschrift», издававшемся в Риге: «Ее появление было поистине неожиданным, она явилась уже в седле и при оружии... Главные вершители судеб латышской литературы не были ознакомлены с ее программой, не были и приглашены в число сотрудников; те, что доселе выпускали в народ печатную продукцию, так же не были приглашены, чтобы помочь распространять издание в народе».

Вся троица посвятила свои усилия пропаганде естественных наук. Тезис «А все-таки она вертится!» был революционным не только во времена Галилея. И если в практической жизни латышскому крестьянину было все равно, земля ли вертится вокруг солнца, солнце ли вокруг земли, то психологически и чисто интуитивно философски правильное понимание природы и новые представления о строении Вселенной подрывали основы всего многовекового церковного учения и заставляли сомневаться во многих вбиваемых в головы благоглупостях.

«Разумный взгляд на природу и небо, мудрое понимание их еще с давних времен отвергает суеверия и их пагубные плоды. Стоит оглянуться на прошедшие времена и мы увидим, что не только неученый люд был опутан этими суевериями, но даже ученые и знатные особы не были от них свободны», - пишет Барон в статье «Кометы, или хвостатые звезды». За два года в «Маяс Виесис» напечатаны девять обширных статей о строении Вселенной, о метеорологических явлениях, о самых первых попытках человека подняться в воздух и об особенностях мира животных.

Поражает в этих статьях способность установить контакт с читателями, завидное умение приспособиться не только к уровню их знаний, но и к языку, восприятию повседневной жизни, народному юмору. Кажется, не студент беседует с необразованным крестьянином, а два близких соседа разговаривают, связанные одним и тем же трудом. Яркий пример - статья «Солнце». Образно рассказав, что солнце управляет «не только такими огромными шарами, как Земля», но и куда большими, автор как будто за руку

подводит читателя к ошеломляющему выводу о том, что Солнце должно быть куда больше Земли и прочих планет.

«И оно действительно в 700-800 раз больше и массивнее, чем все его подданные скопом... Вот это размер! Но если оно такое большое, так почему же мы видим столь небольшой круг? Скажу. Большие предметы с дальнего расстояния всегда кажутся меньше, чем они есть, и если забраться на высокую колокольню, высунуть голову в окошечко и разглядывать людей на земле, то взрослые люди оттуда младенцами кажутся, а Мельниковы битюги меньше домашних кобыленок, - но хватит звонить попусту, спустимся на землю и прикинем, что нас от Солнца отделяет побольше 20 миллионов миль. Вот и неудивительно, что на таком расстоянии эта громадина Солнце выглядит таким маленьким, что иной мальчишка готов до него дотянуться и покатать его как колесо».

Так Кришьянис Барон растолковывает в «Маяс Виесис» истинные размеры Солнца. А когда нужно дать представление о самом сложном - о вращении Земли вокруг Солнца, молодой астроном так беседует со своим читателем:

«Ну, Петер, старина, придется нам пешком пойти, ведь лошадь поехать в церковь хозяин не даст. А может, со мной прокатишься? Сядем на спину Земного шара, пришпорим его и припустим, будет время потолковать, и я попробую разъяснить тебе, почему Солнце, вроде вот этих деревьев на обочине, начнет навстречу нам бежать...»

И разъясняет - остроумно, наглядно. А когда какое-то явление с трудом поддается объяснению, Барон пишет первый научно-фантастический рассказ на латышском языке, используя стародавнюю тему о межпланетных полетах: «Чепуха, которая вовсе не чепуха, или описание Земли и ее обитателей, сделанное неким Лунянином». Автор остро высмеивает людские пороки, которые Лунянин наблюдает на Земле. Его удивляют кружочки монет, которых все разумные обитатели Вселенной никогда не видели, а здесь они нарасхват и «кто их больше других нахватает, тот пользуется наибольшим почетом и уважением, и к нему все льнут». Рассуждая о том, что у Земли куда больше сила притяжения, чем у Луны, Лунянин замечает: «И теперь я понимаю, почему такая громадная толпа обитателей норовит все притянуть к себе и всем завладеть».

Открыто выступать с критикой феодальной системы и церкви «Маяс Виесис» не могла. И все же младолатыши не упускают случая нанести один-другой меткий удар в этом направлении. В статье «Аисты, их жизнь, язык и нравы», пространно описав особенности этой привычной и любимой в деревенской усадьбе птицы, Барон вставляет строки, адресованные прибалтийским «чсрнорясникам»: «Многие еще люди рассказывают о них, но не всему можно верить. Так, некоторые считают черных аистов духовными жрецами. Возможно, и впрямь надо быть черным, чтобы сгодиться для столь почетного звания».

Не случайно уже в конце 1856 года пастор Шульц рассылает циркуляр своим собратьям: «Братья во Христе! Наши интересы этого требуют, и сейчас самое время предотвратить грозящую опасность. Сейчас, братья, сейчас надо действовать, иначе будет поздно!»

*

Кто все песни пропоет?
Все слова произнесет?
Кто все звездочки сочтет?
Все песчинки соберет?

LD, 38

В Дерпте Кришьянис Барон начинает активно интересоваться фольклором и этнографией. Богатый материал для исследователя предоставляла университетская

библиотека, ставшая не для одного поколения латышских студентов подлинной школой культуры. Позднее Кришьянис Барон вспоминал:

«Богатая, хорошо налаженная и легко доступная библиотека Дерптского университета завлекла меня и покорила. Помещение ее было немного тесновато. Находилась она в еще пригодной части старого кафедрального собора, в то время как большая его часть состояла из руин, в которых галдели стаи галок. Я часто посещал эту библиотеку. Особенно меня интересовали хроники, исторические и этнографические труды, относящиеся к Прибалтике и ее народам. Здесь я находил много материала для рефератов, с которыми выступал на наших вечерних собраниях».

Толчком к занятиям фольклором послужила деятельность первых эстонских демократических просветителей. Ф.Фельман и Ф.Крейцвальд уже в 40-50-х годах интенсивно занимались собиранием эстонских песен, преданий и сказок и исследованием этих материалов. Именно в то время, когда Барон учится в Дерптском университете, при поддержке петербургских ученых выходит обработанный Крейцвальдом эстонский народный эпос «Калевипоэг». Необходимость познать духовные богатства своего народа первым в 1855 году сформулировал Валдемар в издававшейся в Дерпте немецкой газете «Das Inland»: «Наша святая обязанность спасти от гибели столь стремительно исчезающие в последнее время духовные богатства народа».

В 1857 году Кришьянис Барон печатает в «Маяс Виесис» свою первую публикацию, посвященную фольклору, - «Эстонские народные песни». Он перевел собранные Фельманом эстонские сказания о том, как возникла река Эма, как Вяйнемуине учил людей и животных петь, об Эммарике и Койте. В небольшом вступлении Барон подчеркивает необходимость собирания фольклора:

«У немецкого и других народов собрано много таких песен, так как ученые, выслушивая их от людей, записывают, проявляя тем самым заботу, чтобы эта драгоценная память наших предков не погибла. Песен нашего народа собрано еще очень мало и большинство их, к сожалению, со временем исчезнет из памяти людской и забудется, но кто не пожалеет разума и усилий, тот может сейчас еще много песен и сказаний спасти от тьмы забвения».

Это вступление важно и в другом отношении.

Уже здесь Барон говорит о народных песнях как о достоянии трудового народа, «которое в народе возникло и как сокровище, принадлежащее каждому представителю этого народа, из уст в уста переходит и приумножается». В песнях он видит отображение духовного мира «дорогих предков» и более того - душу веками подавляемого народа, святыню, ревностно оберегаемую от чужаков за семью запорами. То, что долгими зимними вечерами седовласые старцы рассказывают своим детям о деяниях старых богов и могучих богатырей, сидя в дымном жилище, «того никому, кто не принадлежит к этому роду, слышать не дано. Для чужих они песен не поют».

Считая фольклор величайшей святыней народного прошлого, Кришьянис Барон говорит также и о том, что «в народе хранится не только много старых чудесных песен, которые не всем известны, но еще и по сей день наши веселые девушки и задорные пастухи, постоянно живущие в единении с природой, вдохновляющей на сочинительства, сами создают новые песни, которые исходят из их душ и уст и уходят к душе и устам других». Итак - фольклор не только наследие прошлого, он создается и во времена Барона. Одним словом, еще в середине прошлого века это была живая и животворящая народная культура. Как собирать фольклор - на это пока что нет ответа. Но задача уже сформулирована. Для себя, для современников. Она ждет своего решения.

*

А взойду-ка я на горку,
Кто там землю мою пашет,
То ли баре, то ли братцы,

1857 год - последний год сотрудничества молодых дерптцев в газете «Маяс Виссис». Остзейские помещики усмотрели в деятельности латышских студентов угрозу своей идеологии. Убоявшись неприятностей, Ансис Лейтан вынужден был отречься от своих сотрудников.

Первым за статью «Аисты, их жизнь, язык и нравы» был уволен Кришьянис Барон.

Спи, не протянув и года,
«Гость» любезный. Точка. Стоп.
Эти чертовы колоды
Хоть кого загонят в гроб,-

так, прощаясь с газетой, иронизировал Юрис Алуна. В жизни газеты начался длительный период идейного застоя. Осуществлялся принцип пастора Браже, провозглашенный им в 1856 году: «Каждый, кто поистине желает латышам добра, должен так просвещать их, чтобы в первую очередь они почитали евангелическую веру и держались своего сословия».

Но кружок младолатышей вышел на простор и ищет себе новое поле деятельности. Юрис Алуна в 1859-1860 гг. выпускает три первых альманаха на латышском языке «Сета, даба, пасауле» («Двор, природа, мир»). Кришьянис Валдемар после окончания Дерптского университета в 1859 году уезжает в Петербург и поступает там на службу в Министерство финансов. Вскоре он становится видной фигурой в российском мореходстве, активно сотрудничает в выпускаемой Академией наук на немецком языке газете «St. Peterburger Zeitung» и в журнале «Морской сборник», нападая в своих статьях на феодальные привилегии прибалтийского дворянства. В начале 1862 года в Лейпциге анонимно издает брошюру «Положение прибалтийских, особенно лифляндских крестьян».

Как бы продолжая статьи в «Маяс Виссис», в 1859 году выходит первая книга Кришьяниса Барона «Описание нашего отечества». И здесь он зачинатель. До него сведения, сообщавшиеся латышским крестьянам об их родине и географии мира, отражали идеологию прибалтийских немцев. В 1854 году в Елгаве выходит книга Шульца «Географические сведения о Европе для латышей». Шульц доказывал, что нигде в Европе крестьянам не живется так хорошо и привольно, как в Курляндии и Лифляндии.

Кришьянис Барон ставит иную задачу. Его «описание отечества» должно в первую очередь помочь узнать землю, где живут латыши. Знание физических богатств земли необходимо, чтобы люди могли «дары земли достойно принимать, а пагубу отводить». В рамках небольшого учебника даются краткие сведения о географических особенностях других областей России, других стран. Но это те сведения, которые необходимы, чтобы читатель понял свои хозяйственные возможности у себя на родине, в своей усадьбе, сознавая свою роль на Земле. Даже в строгом, порой конспективном изложении проблескивает талант Барона-рассказчика. Он прибегает к различным художественным приемам, обращается к форме беседы, чтобы заинтересовать читателя:

«Картофель и овощи хорошо растут как в Лифляндии и Курляндии, так и в Эстляндии. Подле имения Калицием у хозяев огромные поля засажены капустой. Хмель и табак там во многих местах разводят, но они не лучшего качества и годятся лишь для собственных нужд. Ягоды у нас повсюду самые разные. И еще вы, конечно, замечали, что у нас молодые девушки, разбивая грядки, высаживают между свеклой и морковью какие-нибудь неприхотливые цветы - ноготки, мак. Но они предназначены больше для того, чтобы их сорвали веселые парни; у самих девушек есть луга и поля, где они плетут ароматные венки».

Надо думать, что кое-где, особенно в приложениях, касающихся экономической жизни Прибалтики, Барон использовал собственный опыт и наблюдения за жизнью народа. Еще учитель его Эрнест Динсберг наказывал: если юноши хотят сделать какое-то благо для своих собратьев, они должны прежде всего узнать, как живет народ «за лесами и болотами, в тихих усадьбах и селениях». Курляндию Барон знал с детских лет, а изучению природы Видземе, ее людей, их трудовых занятий он однажды посвятил каникулярное лето. Он первый из латышских писателей начал путешествовать по родной земле. И традицию эту продолжали почти все выдающиеся деятели латышской культуры - писатели братья Каудзит, Эдуард Вейденбаум, Ян Райнис, Имант Зиедонис и только еще начинающие свою деятельность современные писатели и художники.

Внешне описание путешествия в воспоминаниях Барона выглядит веселым рассказом о том, как бедный студент, у которого летом карман совершенно пуст, идет от местечка к местечку, от усадьбы к усадьбе, от холма к холму. Иногда он прикидывается помощником писаря, иногда его принимают за какого-нибудь ремесленника, но чаще всего Барон представляется странствующим подмастерьем, так как обязанность любого мастера - предоставлять такому подмастерью кров и трапезу.

За всеми потешными эпизодами, знакомствами и расставаниями молодой путник видит многое. Целую неделю он проводит в долине древнего русла Гауи, в окрестностях Сигулды и Турайды - в местах, которые мы и ныне показываем своим гостям, как один из прекраснейших, поэтичных уголков нашей родины.

Тихо реки все текут,
Одна Гауя звенит.
Катится, распевает,
Серебро рассеивает.
LD, 31033

Вдоль и поперек исхожены и берега порожистой Даугавы с доломитовыми обрывами между Крустпилсом и Кокнесе. Сказочная и одновременно суровая река для тех плотов и стругов, которые с ранней весны до первого льда спешат по ней из центральной России в Ригу.

Даугава, чернея взором,
Черная течет под вечер.
Как же черной ей не быть,
Столько поглотила душ.
LD, 30710

Кришьянис Барон появляется в Пиебалге, славившейся искусством ткачей и ремесленников, чтобы понаблюдать за людьми из народа, которые толпятся по воскресеньям в церкви и в корчме. Пройдет десяток лет, и Пиебалга станет местом действия первого латышского реалистического романа братьев Рейниса и Матиса Каудзит «Времена землемеров». Побывал Барон и в латышских учительских семинариях в Валке и Иецаве. Шло время, хотя и с трудом, но уже менялось направление народного просвещения. Преподаватели этих семинарий и будущие выпускники спустя несколько лет станут первыми помощниками младолатышей в их дальнейшей деятельности, возглавят культурную и общественную жизнь в своих волостях. Особенно много сделают воспитанники Валкской семинарии, собиравшие народные мелодии под руководством своего директора Яниса Цимзе.

В Дерпт Кришьянис возвращается с большим опозданием - занятия уже в разгаре и ему приходится отсиживать в университетском карцере. Но главные неприятности впереди. На последнем году обучения, когда курсовые экзамены уже сданы, наступает

полное безденежье. Кошелек родных пуст, и готовиться к выпускным экзаменам не на что.

Летом 1860 года Кришьянис Барон уезжает в Дундагу, надеясь, как в гимназические годы, подработать домашним учителем или уроками. Но на этот раз никто в его услугах не нуждается. Возвращаться студенту в Дсрпт не на что.

Чтобы не оставаться без дела, Кришьянис собрал детей родственников и знакомых и устроил домашнюю школу в Валпене. Он учил детей всемирной истории, математике, географии, гимнастике и пению. Долгими зимними вечерами, когда женщины собирались прясть и вязать, он слушал их песни. А в записной книжке, датированной 1860 годом, наряду с выписками из книг разных поэтов, появляются строки самого Кришьяниса Барона:

И почему-то стесняется грудь,
И сердце вот-вот разорвется...

Но жизнь идет своим чередом. В 1861 году в Петербург перебирается Алуан. Теперь они опять вместе с Валдемаром, который надеется продолжить идейную борьбу с прибалтийскими помещиками. Возникают новые идеи, новые возможности для деятельности, и они зовут в столицу Российского государства своего товарища...

Глава III

ПЕТЕРБУРГ

Там Кузнец кует у моря,
Искры прямо в небо мечет,
Соберу я искры эти,
Меч из них себе скую,
Голову срублю я Йоду¹
Искрометным тем мечом.
LD, 33731

¹Йод - одно из имен черта в латышской мифологии.

Пока Барон, по приглашению Валдемара, собирается в Петербург, Алуан подает министру народного просвещения прошение:

«Эти две газеты, имеющиеся у латышей [«Латвиешу Авизес» и «Маяс Виесис» - Ред.], уже не соответствуют требованиям народа... При поддержке состоятельных петербургских латышей я собираюсь здесь, в Петербурге, издавать новую еженедельную газету на латышском языке под названием «Петербургас Авизес» («С.-Петербургские Латышские ведомости»). Направление газеты: способствовать просвещению латышей».

Издание новой газеты было тщательно продумано. После конфликта с «Маяс Виесис» и ее опекунами младолатыши хорошо понимали, что печататься в Прибалтике они не могут. А в российской столице они хотя бы на время будут избавлены от прямых репрессий баронов и пасторов. Уже весной 1862 года Валдемар добивается создания при петербургском цензурном комитете должности цензора изданий, выходящих на латышском языке. И когда в мае было разрешено издание газеты, редактором был утвержден Алуан, помощником его - Барон, а цензором стал не кто иной, как сам Валдемар!

«Латышский народ - мирный народ, - напечатано в пробном экземпляре газеты от 20 июля 1862 года. - Но мир не значит сон; мирный человек вовсе не обязан пребывать в спячке, он может выражать свои мысли смело и открыто».

Смело и открыто издатели вознамерились говорить о многих экономических, правовых, культурных вопросах, обращать острие критики против феодальных привилегий и духовной темноты, косности и застоя, на который обрекла народ правящая идеология:

«Греховное заблуждение - гнушаться миром сим со всем его достоянием, самому взваливать на себя крест из-за собственной нерадивости, невежества и проч. и потом, возведя очи горе, твердить: там, там, там будет конец всем горестям. Это грех. На сей земле добивайся блага: сотвори сам себе преуспевание, радей о здоровьи и бодрости плоти своей, можно добавить: о красоте ее, о всем, что ее касается, ибо плоть твоя - обиталище духа твоего. И превыше всего: принимай соучастие в телесной и духовной жизни брата твоего, ближнего твоего, не смей отрываться от них со словами: «А что мне за это будет? Я сам по себе».

Вместо веками внедряемых униженности, покорности и аскетизма - сознание своего достоинства, радость бытия, радость от жизни, желание сделать этот мир лучше и приятнее для обитания. Сделать самому. Самому смочь.

Правда, пройдет немного лет, и молодая латышская буржуазия усвоит из этих заповедей одну-единственную - «здесь, на земле добивайся блага», забыв все остальное. Но живой дух «Петербургас Авизес», молодую энергию, ощущение «стальной души» народ жадно усваивал, хранил. Все это как эстафету переняли прогрессивные деятели последующих десятилетий и развивали далее традиции демократической латышской печати.

Вокруг «Петербургас Авизес» собрались талантливые публицисты и зачинатели молодой латышской литературы. Стихи «Радостная надежда» прислал из Кубеле для первого номера Эрнест Динсберг. Интересные статьи, выдержанные в духе материалистической философии, публикует учитель и пламенный защитник интересов крестьян Каспар Биезбардис: «Что может душа познать? На что она способна?» и «Что крестьянин должен знать?». Активно участвует в газете прозаик Екаб Звайгзните. Но большинство материалов принадлежит перу самих создателей газеты - Валдемару, Алунану и Барону. Особенно последнему. Потому что Кришьянис Валдемар вечно одержим десятком других замыслов и проектов и с первых же номеров много времени уделяет организации защиты газеты от нападков остзейских баронов. А судьба Юриса Алунана сложилась трагически - в 1863 году он тяжело заболевает и весной 1864 года умирает. Его короткий жизненный путь в некотором роде стал символом судьбы многих лучших представителей латышской интеллигенции XIX века. Титанический труд - а только трудом и давались глубокие и разносторонние знания, - поразительный энтузиазм и горение в деле пропаганды и отстаивания демократических идей, первые яркие публикации... И ранняя смерть. Так уходит Юрис Алунан и вскоре после него Екаб Звайгзните. Так в 70-х годах уходит первый замечательный представитель народного романтизма поэт Аусеклис, не прожив и тридцати лет. Так в начале 90-х годов уходит из жизни двадцатипятилетний Эдуард Вейденбаум, «железный жаворонок» латышской революционной поэзии. И так уходят десятки молодых народных учителей - сломленных тяжелыми условиями, сожженных внутренним огнем.

Большинство публикаций идет без подписи. Даже самим сотрудникам спустя несколько лет не удастся полностью доказать свое авторство. Множество их принадлежит Кришьянису Барону. Еще во время болезни Юриса Алунана он фактически становится редактором газеты. Но утвержден в этом звании так и не был. Не случайно курляндский вице-губернатор фон Бреверн, посылая жалобу на издателей газеты, пишет 17 января 1864 года о Кришьянисе Бароне:

«Вскоре он становится душой «Петербургас Авизес», быстро и легко ориентируется в практической работе. Он знает все, что обсуждает кабинет министров и что происходит в жизни общества; работает целеустремленно, не поддаваясь иллюзиям. Все, что он говорит, имеет практическую направленность, но конечная цель его

иллюзорна, а именно - используя достижения чужой культуры, поднять маленькую народность, долгое время находившуюся под господством этой культуры, до уровня самостоятельной нации. Это столь неразумно, что ставит под сомнение всю искренность (Барона и его соратников. - С. В.), тем более, что они своим образованием и языком доказывают, что никакое самостоятельное национальное развитие у них невозможно».

Но первый латышский литературовед Теодор Зейферт в 1912 году писал о Кришьянисе Бароне:

«Кришьянис Барон оставался тихим и незаметным у судовой машины и у руля, тогда как остальные действовали на видном месте. Он должен был знать, что все идет как положено. На нем лежала самая разнообразная работа. Временами он делал поистине все: писал для газеты, компоновал материалы, рассылал готовую газету. Спал урывками меж рукописей и газетных кип. Он напоминал пчелу среди цветов; вокруг уже весна - и он проникся ею до глубины души».

*

Ах ты, жизнь моя, судьбина!
Много же для жизни надо,
Руки легкие и ноги.
Пониманье-разуменье.
LD, 6850

В «Петербургас Авизес» Кришьянис Барон широко развернул начатую в «Маяс Виесис» просветительскую деятельность. В 1962 году в сборнике статей, посвященном памяти Кришьяниса Барона, видный латышский советский языковед Артур Озолс, касаясь деятельности Барона в Дерпте и Петербурге, писал:

«В культурно-просветительном движении младолатышей Кришьянис Барон был выдающимся энциклопедистом. С 1856 по 1890 год он опубликовал в «Маяс Виесис», «Петербургас Авизес» и других изданиях 150 статей по самым разным областям знаний. 125 из них в «Петербургас Авизес»: об астрономии, метеорологии, физике, химии, географии, зоологии, агрономии и технике, этнографии и истории. Статьи Кришьяниса Барона в «Петербургас Авизес» по сути дела являются энциклопедией на латышском языке».

Барону принадлежат статьи «Здравоохранение» и «Краткое наставление в землемерном деле», «В какое время года лучше рубить лес для стройки» и «Лен и его обработка», «Что такое воздух» и «Как предсказать погоду». Его перу принадлежит описание российской столицы - «Петербург» и статья о международной политике «Бенито Хуарес. Президент мексиканской республики». Он написал и первое на латышском языке изложение теории эволюции - «Вечное поле битвы».

Но в какую бы форму «пониманья - разуменья» не облекались статьи, они имеют и свою сверхзадачу. Проводя параллели с жизнью других народов, рассматривая вечное развитие природы и законы прогресса, Кришьянис Барон объясняет и доказывает, что жизнь в Прибалтике тоже подчинена этим законам, что и в ней могут быть перемены и прогресс, что и она должна преобразиться так, чтобы сделать счастливым большинство народа.

«В мире уже очень многие существенные вещи по сравнению с давними временами изрядно переменялись, - пишет он в публикации «С Гаарлемского моря в Голландии», знакомя читателей с осушительными работами в Западной Европе. - Древние египетские цари заставляли возводить огромные каменные пирамиды, обелиски и прочие сооружения, но по большей части это один какой-нибудь властелин заставлял их возводить, чтобы засвидетельствовать свое могущество перед потомками, а народу от этого никакого проку не было. В новые исторические времена возводят не только

величественные, но и полезные для себя и потомков сооружения. Одним из таких деяний является осушение Гаарлемского моря».

Статья же о президенте далекой Мексики дает Барону возможность показать соотечественникам, что в других странах угнетенные сословия и нации уже поднимаются на активную, деятельную борьбу.

«Пока Мексика принадлежала испанцам, испанцы, рожденные в самой Испании, могли занимать все высокие государственные должности и посты, тогда как людей, рожденных в Америке (креолов), настоящими испанцами уже не считали и во многих правах им отказывали; но самыми презираемыми почитались исконные хозяева этой земли - индейцы и смешанные слои от браков индейцев и европейцев или европейцев или негров; у этих, как говорится, никаких прав не было. Подобная несправедливость была первой причиной, почему Мексика отделилась от Испании. Поэтому в новом государстве всем свободным гражданам были даны одинаковые права. И хотя привычным было помыкать индейцами и метисами, многие из них уже добивались высоких должностей как на военной, так и на гражданской службе... По тому, что многие выходцы из угнетенных сословий, вопреки нелегкой судьбе, сумели преодолеть все препоны и занять высокие должности, мы видим, что они одарены ясным умом и недюжинными способностями».

Никогда дотолем с такой силой не подчеркивались в латышской публицистике воля и смелость, как во времена младолатышей. Достигнув первых успехов, они научились верить в свои силы и в силы своего народа. Внушая эту веру, они стремились пробудить людей от вековой спячки, увлечь их за собой. «Пробуди в ребенке светлый ум», пишет в 1863 году Кришьянис Барон. Потому что:

«В жизни нужны отвага и мужество. В первую очередь благодаря им можно надеяться на успешное преодоление всех препятствий. Смелый ум возвышает духовную силу человека и его добрые качества. Смелый ум - значит уже обеспечена половина дела. Смелому человеку с ясными, благородными понятиями удастся одно дело за другим. А где недостает смелого ума, там пребывают в угнетении, унынии и убожестве, и при всей своей сообразительности и честных понятиях человек неспособен на деяния во благо остальному человечеству и не исполняет своего назначения. Смелый ум и мужественное сердце - первый и единственный источник счастья при всех житейских злоключениях».

Благодаря научно-популярным статьям «Петербургас Авизес» в молодой латышской литературе появляется идеал новой личности. Появляется не как мечта о будущем, а именно как образец современника, от которого ждут любви к народу, энтузиазма, труда, труда и еще раз труда как основы душевного и телесного здоровья.

Эти статьи способствуют становлению современного латышского языка. Для многих неведомых народу предметов и явлений, социальных и философских понятий в латышском языке до младолатышей не было соответствующих обозначений. Когда надо было выразить понятия «наука», «философия», «естествознание», авторы XVIII или первой половины XIX века пользовались словосочетаниями типа «высокое умствование», «сведения о природе и мире» и т. п. Отсутствие подобной лексики было излюбленным аргументом прибалтийских пасторов, утверждавших, что латышский парод никогда не сравняется духовно со старыми культурными европейскими народами. И именно этот аргумент младолатыши опровергли самым убедительным образом. Опровергли гениально, доказав свою правоту на деле. Юрис Алуан один за свою короткую жизнь создал около ста неологизмов - кратких, подлинно латышских, хорошо звучащих, без которых современный язык просто невозможно представить.

В конце 50-х годов и Кришьянис Барон обращается к вопросам языковедения. В своей статье 1862 года, опубликованной в «Петербургас Авизес», - «Семьи индоевропейских языков, а в особенности литовский и латышский языки», - он рассматривает языки как свидетельство родства разных народов, а следовательно, и равенства, так как «языки, сколь своеобразны бы они ни были, возникли из одного корня и развиваются по одним законам». Но основная заслуга Барона в дальнейшем развитии

языка - это его последовательная, новаторская тенденция вводить интернациональные термины для обозначения соответствующих понятий. Как указывает Артур Озолс, «начиная с энциклопедических статей Кришьяниса Барона, интернационализмы как термины приобретают равноценное значение наряду с неточными описательными латышскими словосочетаниями».

*

Погоди, дожدهшься, барин,
Посчитаемся с тобою,
Я тебя еще отправлю
Синим пламенем гореть.
LD, 31352

Существенной частью «Петербургас Авизес» являлось юмористически-сатирическое приложение «Дзиркстеле» («Искра»), позднее «Зобугалс» («Зубоскал»). Начиная издание «Дзиркстеле», редакторы в 1862 году в четвертом номере приложения писали:

«Среди латышей даже многие умные люди почитают смех, радость и веселье чем-то греховным. Латышские народные песни по большей части звучат грустно и печально. И если бы молодые девушки, единственные, кого тяжкая судьба не гнетет так, как всех прочих, - если бы они не поддерживали песенный дух и веселое настроение в людях, то кажется, песни бы совсем исчезли. Теперь вы понимаете, любезные читатели, для чего мы выпускаем юмористическую газету?»

А для того, чтобы латыши постепенно приучились смеяться; латыши, этот народ, который даже радостями не может насладиться без слез. Так что вы, представители других народов, читающие эти слова, не препятствуйте латышам иметь свой юмористический листок. Он им куда более необходим, чем прочим народам».

Работая совместно, Валдемар, Барон, Алуан, Звайгзните, уже престарелый Эрнест Динсберг и многие корреспонденты-острословы из близких и далеких мест делают «Дзиркстеле» метким оружием борьбы «с предрассудками, глупостью, кичливостью, завистью», а более всего - это трибуна, с которой можно нападать на чуждую идеологию остзейцев.

Для титульного листа приложения молодой график Август Даугулис нарисовал портрет насмешника. Энергичный молодой человек, коротко подстриженный, элегантно причесанный, с гусиным пером в одной руке, с трубкой - в другой, весело усмехаясь, пишет очередную сатиру в «Зобугалс». Главный объект насмешек молодого человека - некто Бизманис (от слова «bize» - «Zopf» - косичка). В первом номере «Петербургас Авизес», видимо, готовя материал для сатирического приложения, редактор разъясняет смысл фамилии, производной от немецкого «Zopf». «Zopfzeit» - время косичек, те стародавние времена, когда всем вельможам полагалось носить парик с толстой косичкой, а «Zopfgeist» - дух косичек - говорили, когда человек только то почитает и любит, что относится к стародавним временам и твердо противится всем новым веяниям».

Во время французской революции косичку «гильотинировали», но в Остзейском крае она еще сохранилась «у определенного рода людей», перебравшись с их париков в их умы. Разговоры о необходимости отрезать косичку - одна из излюбленных тем Зубоскала. Бизманис в карикатурах и очерках появляется в халате, этакий сытый, самоуверенный и невежественный помещик. И в этом отделе авторство многих материалов установить невозможно, так как большинство их давалось без подписи.

В одной из записных книжек Кришьяниса Барона есть несколько анекдотов, предназначенных для «Зобугалса», которые, видимо, не прошли по цензурным

соображениям. Сейчас это материал, дающий возможность судить о Бароне как о сатирике.

« -- Ах, как я мучаюсь с зубами. Надо бы вырвать, но врач слишком дорого просит.

Насмешник: - А ты иди к цензору, он тебе все зубы задаром вырвет».

«Барин: - Как ты посмел пройти мимо моих окон, не сняв шапки?»

Работник: - Да тогда в окне только собака сидела, барин.

Барин: - А это все равно, что я, что собака! Впредь не забывай!»

Большинство остроумных рождений произошло прямо во время работы над материалами или во время обсуждения различных событий, происходивших на родине. Каждый вносил свое в лепку образов Зубоскала и Бизманиса, в диалоги смысленных мужиков Бренциса и Звингулиса, Едциса и Пециса, в фельетоны о старом Волке, который охотно уписывает мужичьих овечек, толкуя о братстве и любви. Все эти образы родились на страницах «Петербургас Авизес», да так и не сходили потом со страничек юмора латышской демократической печати.

И в приложении, и в самой газете печатаются рассказы, написанные первыми латышскими писателями. Среди них произведения Кришьяниса Барона «Дедова женитьба», «Испорченная поездка на ярмарку», «Пройдоха» и «Что такое преступление».

Первые три рассказа носят юмористический характер. В них описаны ситуации, присущие народным анекдотам, меткие наблюдения из жизни имения, дана критика иерархии, которая возникает повсюду, где судьба человека зависит не от его честного труда, а от того, насколько он угоден большим и малым тиранам. Сейчас, с дистанции столетия, изобиловавшего сложными историческими коллизиями, чувствуешь их архаическую прелесть.

Своеобразную моральную концепцию главного героя мы находим в рассказе «Пройдоха». Главный герой - «современный человек», получивший образование, но из-за своего латышского происхождения не имеющий возможности занять соответствующую должность. Совсем другое дело, когда он выдает себя за Бартоломео Грация де Кампо, отец которого испанец, а мать немка. Тут же перед ним открываются двери дома самого герцога, тут же ему доверяют управление имением. И хотя герой рассказа прибегает ко лжи, автор испытывает явную симпатию к этому жизнерадостному, остроумному авантюристу, который водит за нос высокородного дурня, не пасует перед препятствиями. В этом отношении герой - продолжатель традиций латышского фольклора, где находчивый пастух или крестьянин не только выманивает у черта кучу золота, но и усаживает немецкого помещика на огурцы, чтобы тот высидел коня... Но самое главное - Бартоломео не просто мошенник, он умеет также работать и учиться.

«Не спорю, в первое предприятие я пускался, как в густой лес. В порученном мне деле я почти ничего не смыслил, - рассказывает самозванец. - Счастье, что я все схватывал на лету и удачно избегал явных глупостей... Кроме того, я все время учился, во все вникал. Мои усилия были не напрасны, и спустя полгода я уже мог считать себя толковым хозяином. Теперь я вполне убежден, что справедлива пословица: «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет». Да, да, справедлива».

Итак - вперед, ввысь, доказывая свою трудоспособность, свою жизненную энергию, хотя бы и хитростью пробивая себе дорогу! И даже когда авантюра раскрывается, герой рассказа ухитряется устоять на ногах и успешно продолжает хозяйствовать - уже под своим истинным именем - Микелис Ванаг. «И пусть я не всегда был согласен с Микелисом Ванагом, - заключает автор, - но вижу, что он умел даже дурное обращать во благо».

Значительным в социальном отношении является рассказ молодого прозаика о том, как предрассудки, неуважение к человеку и произвольное толкование закона приводят в тюрьму молодую служанку Дарту. Обманутая человеком, которого она любила, оставшись без работы, лишившись крова, брошенная девушка подкидывает своего

ребенка к двери человека, который может его воспитать. Но когда она, желая вернуть ребенка, признается в своем поступке, ее судят как преступницу. «Что такое преступление?» - вопрос этот звучит уже в заголовке рассказа. Всем содержанием рассказа Кришьянис Барон подчеркивает, что преступление нужно видеть там, где издеваются над чувствами человека, где царит равнодушие к бедному и незащитному. Если прежние появлявшиеся на латышском языке рассказы, как правило, завершались восхвалением неизмеримого милосердия господня и торжествующей в конце концов справедливости, то здесь, пусть и в сентиментально-романтическом духе, звучит резко контрастное сопоставление разных условий жизни и обвинение в адрес самих законов:

«Подле широкой реки Д. стоит тюрьма. Сквозь решетку можно видеть бледные, осунувшиеся лица женщин, робко поглядывающих на прохожих. Среди них видно и изменившееся лицо Дарты, которое некогда так радовало нас молодостью и красотой. Река катит свои волны к морю; то и дело проплывают мимо величественные корабли под парусами; в даль уходят прибрежные луга и поля - не наглядись на такую красоту. Но какая радость от нее в душе у тех, кто томится за решеткой, какая радость от этих красот нашей Дарты? Горестная мысль змеей жалит ее сердце и горькие слезы туманят ей глаза, еще недавно такие ясные и веселые. Молодая жизнь ее загублена, загублена навсегда! Теперь вы знаете, что такое преступление!»

*

Все леса огню подвластны,
Все дороги ключ-замочку;
Так что с помощью господней
Всюду я смогу пройти.

LD, 34163

Активный дух газеты «Петербургас Авизес», ее просветительская направленность, ненависть к помещикам помогают завоевать читателей, вызывают их бесчисленные отклики. «Пусть меня хоть колотят, я не пикну, если буду знать, что это во вред «Петербургас Авизес», - пишет один из благородных подписчиков. И слова эти вырвались не случайно. На появление газеты помещики ответили целой бурей негодования и гонений, которые обрушились на издателей и на читателей.

Уже известный нам пастор Шульц выступает в 1862 году в Курляндском синоде с докладом о деятельности газеты, нападая на младолатышшй:

«Младолатыши собираются в кружки, создали враждебную партию и теперь открыто заявляют об этом в «Петербургас Авизес», главная задача которой: привлекать внимание низших слоев к существующим и мнимым недостаткам, вызывать недоверие и неприязнь к духовенству, помещикам и немецкому управлению и даже провозглашать безбожные учения. Народ подчиняется этим вожакам и радостно приветствует «Петербургас Авизес», так как газета выражает и питает втайне вынашиваемые надежды народа. А посему эта газета становится опасным подстрекательским листком!»

Доклад Шульца со всеми вытекающими из него выводами обсуждается затем в Курляндском ландтаге. Помещики взволнованы: газета грозит уничтожить их духовное владычество над прибалтийским крестьянством. Число подписчиков на «Петербургас Авизес» в течение нескольких месяцев доходит до 4200, тогда как находящаяся под покровительством немцев «Латвиешу Авизес» еле набирает 1050...

Барон фон Нолькен требует: «Пора покончить с подстрекательской ролью Санкт-Петербургской латышской газеты и революционными ее замашками!»

Барон фон Драхенфельс: «Латышскую газету в Санкт-Петербурге за ее революционные тенденции подвергнуть строгой цензуре!»

Барон фон Медем: «Надо запретить Санкт-Петербургскую латышскую газету в этой провинции!»

27 сентября 1862 года преемник князя Суворова генерал-губернатор фон Ливен направляет подробнейшую жалобу министру внутренних дел Валуеву с требованием: либо запретить «Петербургас Авизес», либо передать цензуру газеты в его личное ведение.

Уже через несколько номеров Валдемару приходится пустить в ход все свои блестящие дипломатические способности, чтобы отбить атаку разъяренных остзейцев. Но это не удастся. Конечно же, материалы газеты не содержали и не могли содержать никаких революционных идей; издатели ее в основном надеялись добиться поддержки правительства в деле ограничения привилегий прибалтийского дворянства. Сам Кришьянис Барон спустя много лет определил свою газету как весьма умеренную. Но отклик в народе на газету и деятельность младолатышей не был «весьма умеренным». Этому способствовал подъем крестьянского движения в 60-е годы. Поступают протесты против всевластия помещиков, посылаются жалобы царю. Многие из этих жалоб и протестов составлялись или редактировались в редакции «Петербургас Авизес»... Но там, где были волнения и «дух смуты», царское правительство всегда становилось на сторону правящих кругов, хотя некоторые высшие российские сановники и шли на мелкие стычки с высокомерными остзейскими дворянами. Не случайно Валдемар, предлагая правительству проект широких реформ, вписывает и него строки о том, что «латыши и эстонцы будут оставаться бесправными до тех пор, пока российские законы и штыки будут использоваться для того, чтобы сохранять теперешнее безвыходное, неестественное положение. Сейчас русские штыки служат единственно тому, чтобы силой накладывать на эти губернии печать немечества». С октября 1862 года цензурой «Петербургас Авизес» занимается фон Ливен. Первой жертвой красного цензорского карандаша пало стихотворение Кришьяниса Барона «Весенние заморозки», долгие годы потом оставшееся в рукописи:

Хотя уже весна пришла,
Зима ярится злее:
- Ишь, тут же травку распела -
Конфисковать скорее!
И это солнце так слепит,
Что злость клокочет и бурлит!..
Пичужка в роще, где капель,
Звенит, что скоро лето.
Небось в морозы и метель
Ты пропадала где-то!..
На каждой веточке весна
Потягивается со сна...
И вот восстало все вокруг,

Запело, запорхало...
И тут зима завыла вдруг,
Завыла, завизжала:
«Ужо вам всем в ночную тьму
Я глотку дерзкую зажму!»

В мае 1863 года «Петербургас Авизес» была закрыта на четыре месяца. Вскоре последовал запрет на юмористическое приложение. Сохранились рассказы о том, как Барон и Валдемар пытались напечатать вычеркнутые цензурой материалы, как пересылали на родину в последний момент запрещенные, но уже отпечатанные номера.

Несколько раз проходил такой прием: то, что было вычеркнуто из основного текста газеты, в кратком изложении помещали в отделе редакционной почты, выражая сожаление, что такое-то и такое-то сочинение (следовала длинная цитата) «мы не можем принять к публикации, хотя сами с удовольствием его прочитали».

На сотрудников «Петербургас Авизес» обрушились репрессии. Когда больной Юрис Алунап уже не мог работать в редакции, Валдемар хотел утвердить редактором Барона. Но сделать это не удалось - такая масса жалоб накопилась на него. В октябре 1863 года жандармское управление заводит дело № 180 - «О созданном в Петербурге обществе «Молодая Латвия», ее главном руководителе Валдемаре и его сотрудниках».³ В феврале 1864 года дело с подобным же названием заводит министерство внутренних дел. К делу прилагается резолюция: «Привлечь к ответственности за противоправительственную пропаганду».⁴ После нескольких лет напряженной, нервной, порою напоминающей аферы Микелиса Ванаса деятельности пришлось признать: нет смысла дальше издавать газету, столь ярко и самобытно начавшую свой путь - это только компрометировало бы блестящее начинание. В июне 1856 года Кришьянис Валдемар прекращает издание газеты.

3 ЦГИАМ ф. 109, эксп. 4, 1863 г., д. 180.

4 ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 224.

*

Пой, сестрица, пой протяжно,
Пой с извивом, с переливом,
Жизнь порой прямая стежка,
А порой извилистая.

LD, 325

Начинается самый тяжелый период в жизни Кришьяниса Барона. Валдемар и Барон попадают под надзор Петербургского жандармского управления. В апреле 1866 года после длительного молчания Кришьянис Барон пишет на родину брату Ансису:

«Это верно, мы долго не переписывались, но вовсе не потому, что я тебя забыл: такое время было, все эти несколько лет наши письма, посланные из Петербурга в Курземе, часто где-то там у вас на почте проверялись, а нередко и вовсе пропадали. И хотя мы никаких тайн друг другу не сообщали, все равно это очень неприятно. И без того тебя уже за врага считают, которому письма из Петербурга шлют, вот я и переживал это время, совсем не писал».

Когда Кришьянис Барон после закрытия газеты стал искать работу, министерство внутренних дел предупреждает учреждения, куда он обращается, чтобы его не брали как политически неблагонадежного. Негласный надзор официально так никогда и не отменялся; отменила его революция 1917 года... На открытой общественной деятельности была поставлена точка. Печататься на родине, писать для своего народа невозможно. Когда в 1867 году Русское географическое общество собирается послать Барона в научную экспедицию в Латвию для сбора фольклорных и этнографических материалов, он вынужден отказаться: появление «младолатыша» в родных краях вызвало бы новые акции со стороны местных властей.

Как изменилась жизнь! По сути дела Кришьянис Барон ссыльный! Как Эрнест Динсберг, которого за сотрудничество в «Петербургас Авизес» владелец Дундаги посадил па телегу, да и отвез в местечко Яунелгава, за сто с лишним километров от Кубельской школы. Как Каспар Биезбардис, которого за составление петиций, поддержку крестьянских жалоб и за протесты против закрытия «Петербургас Авизес» генерал-губернатор фон Ливен с благословения полиции выслал в Калужскую губернию...

Жизнь еще больше осложняется тем обстоятельством, что Кришьянису Барону нужно содержать семью: он женился и в 1865 году у молодой четы родился первенец - сын Карлис...

И все же, как поется в даине - «Нипочем меня не смогут Господа никак пронять...» В семейной жизни находит он крепкую и надежную опору. Дарта Барон вышла из самых низов крестьянского сословия. Сирота, она рано начала трудовую жизнь, потом вместе со своими господами попала в Петербург. Образования так и не получила, писать не умела, а читала только печатный текст. И тем не менее эта крестьянская девушка, у колыбели которой стояла народная песня и которую вела по жизни выношенная сердцем народа мудрость, являет собой величайшее доказательство того, что ум - это не привилегия образованных, это умение видеть и понимать человека и природу вокруг себя, умение установить правильные отношения со средой, в которой живешь, определить отношение этой среды со всем миром... Именно на плечи Дарты Барон в последующие десятилетия легла большая часть тех тягот, которые выпали на долю обоих, но в воспоминаниях современников она предстает всегда приветливой, жизнерадостной, светлой. Один из друзей дома Янис Крейцберг писал в 1914 году о Дарте:

«Взгляд мой невольно следит за хозяйкой дома, которая неустанно ухаживает за гостями: то угощает, чем бог послал, то развлекает веселым и интересным разговором, при этом речь легко и свободно льется с ее губ. Фигура ее скорее полноватая, чем стройная, но тем не менее упругая, говорит о здоровье, выносливости, энергии, силе, есть в ее облике что-то от крестьянской свежести и бодрости. Движения быстрые, но мягкие, лицо живое, быстро меняется, как и выражение глаз. А какая теплота, природная веселость, какая приветливость отражаются в них!.. И в фигуре, и в лице, и в голосе, и в жестах Дарты Барон такая красота, которая идет от гармонии сердца и души, ума и чувства».

Квартира Кришьяниса Барона там же, где до 1865 года находилась редакция «Петер-бургас Авизес» - Васильевский остров, 4-я линия, дом № 5. И после закрытия газеты он продолжает напряженно работать.

Младолатыши замолчали, но само время прорастило брошенные ими семена, они взошли, заколосились. Зарождающаяся латышская интеллигенция все больше концентрируется в Петербурге. Андрей Спагис совместно с Валдемаром закончил большой очерк на немецком языке «Положение вольных крестьян в Курляндии» (Лейпциг, 1860-1863), отличающийся явной антифеодальной направленностью, работает в соавторстве с Валдемаром и Бривземниексом над составлением первого «Русско-латышско-немецкого словаря» (Москва, 1872), Юлий Калейс-Кузнецов в 1867 году публикует в журнале «Отечественные записки» очерк «Экономический и нравственный быт балтийских крестьян», в котором чувствуется влияние издателей «Петербургас Авизес». Молодой талантливый композитор Карл Бауман спустя несколько лет совместно с Аусеклисом продолжит традиции «Дзиркстеле» в альманахах «Дундури» («Оводы») и будет отстаивать право на существование латышских народных мелодий в музыкальной культуре.

Неотвратимые перемены происходят на родине. Бурное экономическое развитие, укрепляющиеся экономические отношения в своей начальной стадии активно способствуют культурной жизни и расцвету народных талантов. В 1868 году выходит новая газета в самом центре немецкого господства - в Риге. Это «Балтияс Вестнесис» («Балтийский вестник»). Газета обещает продолжать традиции «Петербургас Авизес». В выпущенном 25 октября пробном номере опубликованы три примечательных сообщения: через несколько дней откроется новая железная дорога, соединяющая Ригу и Митаву; правительство утвердило проект и дает средства на открытие в поселке Айнажи первого мореходного училища - давней мечты Кришьяниса Валдемара; создается Рижское латышское общество, которое вместе с газетой будет заботиться о «распространении

знаний, издании дешевых книг, о зрелищных предприятиях, певческом искусстве, собраниях».

В первые годы существования газеты в «Балтияс Вестнесис» печатается молодой поэт Андрей Пумпур, будущий автор эпической поэмы о народном герое Лачплесисе. Публикуют свои произведения братья Каудзит. Печатается Агис Кронвальд - вдохновенный глашатай просветительства, предтеча новой педагогики. И тем не менее «Балтияс Вестнесис» даже в ее лучшие, начальные годы не является последовательной преемницей «Петербургас Авизес». Вместе с Латышским обществом она постепенно становится центральным органом и цитаделью латышской буржуазии.

Ощутимую помощь в тяжелые 60-е годы Валдемар и Барон получают из Петербурга и Москвы. Русские газеты помещают ряд статей, в которых поддерживают политику младолатышей в борьбе против духовного господства прибалтийских немцев и делают достоянием гласности нападки на сотрудников «Петербургас Авизес». В 1865-66 годах Кришьянис Валдемар поддерживает тесный контакт с Министерством просвещения. По заданию министерства он составляет записку о положении школ в Прибалтийских губерниях. За этой работой следует проект положения о народных училищах и проект об открытии «русских» гимназий. Кришьянис Барон переводит все это на немецкий язык, чтобы привлечь внимание к этим проблемам в Западной Европе. Он и редактор и, вероятно, соавтор этих документов, поскольку в рукописях фигурируют имена обоих.

Но наиболее существенные контакты устанавливаются с основанным в 1854 году Русским географическим обществом. В первые же годы своего существования Общество приступает к сбору этнографических материалов, касающихся прибалтийских народов. В 1865 году руководитель отдела этнографии академик В.Ламанский представляет своим коллегам нового члена Кришьяниса Валдемара, а 10 апреля 1867 года на должность руководителя этнографической экспедиции, направлявшейся в Прибалтику, выдвигается кандидатура Кришьяниса Барона.

Откликнувшись на призыв Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете представить описание иных народов «с естественнонаучной и исторической точки зрения», а также собрать сведения об истории этнографического изучения проживающих в России народностей, Кришьянис Барон составляет обширный и тщательно прокомментированный «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края» (СПб., 1868). Кришьянис Барон позже вспоминал:

«Из-за коротких темных зимних дней в Петербурге лампа моя и днем не гасла. Я усердно посещал близко находящуюся и легко доступную университетскую библиотеку и составил полный перечень книг и журнальных статей, относящихся к Прибалтийским провинциям и их обитателям; извлечения из этого перечня я напечатал в Русском географическом обществе».

Автор «Указателя» не только представил исчерпывающий реестр книг и статей в хронологическом порядке, но и дал краткие, содержательные и одновременно исполненные антифеодалного духа аннотации к ним. Например, характеризуя так называемую хронику Руссова («Chronica der provintz Lyfflandt», 1578), Барон подчеркивает отражение социальных противоречий в этом труде: «Автор яркими красками изображает упадок нравов господствующего класса и невероятное угнетение коренных народов немецкими пришельцами, к чему впоследствии еще присоединились военные бедствия и разорение страны во время войны с Россией, доведшие крестьянство до крайней гибели». Описание книги Андрея Спагиса сопровождается указанием: «Одна из замечательных брошюр последнего времени в отношении описания прибалтийских порядков».

Выдающийся латышский библиограф заслуженный деятель культуры Карлис Эгле, оценивая этот «Указатель», писал в 1962 году в сборнике, посвященном памяти Кришьяниса Барона:

«Разумеется, прибалтийские немцы, против которых были направлены эти острые примечания, замолчали Указатель, а латышская интеллигенция, плохо владеющая русским языком, не смогла его должным образом использовать и популяризировать, поэтому Указатель десятилетиями оставался мало замеченным в латышской литературе. Теперь он хорошо известен и писателям, и ученым, и художникам, а особенно библиотекарям и книговедам. Только он стал уже большой редкостью... Указатель сыграл большую роль не только в деятельности Кришьяниса Барона, но и в развитии всей латышской библиографии. Если бы даже Кришьянис Барон не создал труд всей жизни «Латышские дайны», то и тогда бы он, как создатель Указателя, занял в области латышской библиографии и книговедения выдающееся место как первый блестящий латышский библиограф».

Глава IV

СОБИРАНИЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Днем ли едешь, ночью едешь
Все-то горы, все-то доли;
А свалюка горы в доли,
Чтобы ехалось легко.
LD, 31740

В январе 1867 года на работу в «Московские Ведомости» переходит Кришьянис Валдемар. Ему предложено место специалиста по судоходству и прибалтийским делам, и он собирается использовать газету для нового наступления на немецких помещиков. Быстро подыскивает он работу и для Кришьяниса Барона - должность классного надзирателя в гимназии Креймана. Остается лишь приступить к работе, перевезти семью на новое место, и вопрос хлеба насущного разрешен. Кришьянис Барон перебирается в Москву, но - «эта полицейская должность была мне не по душе». Вот и все, что он сказал в воспоминаниях о своих мотивах отказа от предложенной должности. Начались долгие и безрезультатные скитания по конторам, предлагавшим работу.

Помог счастливый случай. Один земляк, служивший домашним учителем в Воронежской губернии, собрался жениться и искал себе преемника. Имя Барона было для него гарантией, что он предложит своим воспитанникам образцового учителя. И у Кришьяниса Барона камень с души свалился: «...так как я мог от заслуживающего доверия лица получить все необходимые сведения о месте и условиях, которые оказались неплохими».

Так Кришьянис Барон попадает в имение Удеревка под Острогожском, в семью Станкевичей. Тех самых Станкевичей, которые вошли в историю русской культуры благодаря Николаю Станкевичу. Философско-литературный «кружок Станкевича» в 30-х годах XIX века объединял самых выдающихся деятелей культуры своего времени, людей, которые ставили задачу просвещения народа. К кружку принадлежали Виссарион Белинский, Михаил Бакунин, Сергей Аксаков... «Салон» младшего брата Николая - Александра Станкевича привлекает выдающихся художников, как русских, так и иностранных. Туда, перед отъездом в Острогожск, был введен и Кришьянис Барон. И Иван Станкевич вырос в духе культурных традиций, которые царили в его семье. В 1840 году он оставляет службу в драгунском полку и возвращается в родные места: занимается сельским хозяйством и общественной деятельностью.

Все двадцать шесть лет, которые Барон был связан с семьей Станкевичей, он избегал оставлять в рукописях и переписке даже малейшие указания на свои взгляды и общественные настроения. Только на склоне лет он дает краткую характеристику Ивану Станкевичу: «Господин Станкевич... был по своим воззрениям в общем

свободомыслящим и гуманным человеком, без всяких религиозных и национальных предрассудков». Сохранились примечательные строки, которые Барон адресовал Ивану Станкевичу в 1893 году - уже после возвращения в Латвию: «Кто привык к русской жизни, тому здесь часто тесновато». И весьма знаменательное признание, которое сделал спустя многие годы Иван Станкевич: принимая к себе Кришьяниса Барона, он получил предупреждение от жандармов...

Обязанности, которые приходится выполнять Кришьянису Барону, весьма обширны. В семье восемь детей, и только четверо из них вышли из того возраста, когда учатся вне дома. С остальными приходится заниматься немецким, ботаникой, физикой, математикой, гулять, играть в спортивные игры. 5 мая 1868 года в письме Дарте Кришьянис Барон пишет:

«У меня сейчас очень мало времени, ранним утром надо присмотреть, чтобы дети встали, хорошенько помылись и оделись, потом занятия с ними, а в свободное время, которого у меня и зимой было мало, приходится гулять с детьми, и так до самого вечера, и благодаришь бога, когда доберешься до постели».

Кришьянис Барон занимается и сам английским и французским с учителями, обучавшими детей Станкевича, - конечно, когда остается свободное время. А его очень мало, потому что вскоре, помимо прямых обязанностей учителя, Станкевич поручает ему и другие дела, доставляющие семейству большие хлопоты. После летних каникул он отвозит в Москву старших сыновей Станкевича и устраивает их жизнь в столице на время учения, весной приезжает за ними, порой делает в Москве покупки для большой семьи, заполняя ими почти целый вагон...

За годы, которые Кришьянис Барон провел в семье Станкевичей, он в основном жил в трех разных местах. Большая часть лета проходит в Удеревке, расположенной километрах в пятнадцати от Острогжска. Имение находится в степи, у обрыва реки Тихая Сосна. Это живописная местность среди полей и оврагов. В своих воспоминаниях Кришьянис Барон рассказывает о том, как он сажал дубы в парке Удеревки, об аллее, где дети занимались гимнастикой, о старой лодке, на которой он поставил парус и радовал молодежь своим умением обращаться с парусом. В Удеревку Кришьянис Барон приезжает и после того, как служба его у Станкевичей закончилась. Здесь он работает над перепиской народных песен, над подготовкой их к изданию.

Первые годы - осенью и зимой - Кришьянис Барон живет со своими воспитанниками в Острогжске, где у Станкевичей есть дом.

Еще со времен Виндавы хранились у него коньки, и вот как-то в морозную зиму он встал на них и вскоре у него появились последователи, возникло даже общество конькобежцев.

Пока еще слабо исследованы контакты Кришьяниса Барона с другими учителями Острогжска, однако необходимо отметить, что городок уже с начала столетия именуется «Воронежскими Афинами». Во времена Барона в гимназии работает литератор Кирилл Греков, русский язык преподает близкий знакомый Ф.Достоевского Николай Милоков. Здесь же жил присяжный поверенный Михаил Комаров - фольклорист и первый биограф Тараса Шевченко.

В 70-х годах, когда дети Станкевичей начинают посещать гимназию, зимы проходят в Москве. Здесь Барон поддерживает тесные контакты с московскими латышами, которых вокруг себя собирает Кришьянис Валдемар.

Самое трудное в это время - оторванность от близких. В 1867 году Дарта с двумя детьми остается в Петербурге. Навещать семью удастся редко - раз в году, на рождество. Кришьянис Барон пишет жене письма большими печатными буквами, чтобы она могла читать сама. В Москву она переезжает только в 80-х годах, когда сын Карлис, окончив гимназию, поступает в Московский университет. Что означает эта разлука для молодой, вышедшей из самых низов, оставшейся: без родственников женщины, даже представить себе трудно. А что значит для Барона душевная привязанность жены, чувство

неразрывной близости с ней и ее природный ум, об этом лучше всего говорит путешествие, которое Дарта Барон предприняла в 1880 году, даже не уведомив об этом мужа, чтобы он понапрасну не волновался.

Вместе с детьми она едет в Ригу, потом на пароходе в Вентспилс и дальше - в Валпене, где живет ее свекровь, с которой Дарта никогда не виделась. Радость старушки при виде невестки и внуков непередаваема. Ведь вокруг уже поговаривают, что Кришьянис неудачно женился и теперь живет отдельно от жены. Это причиняло Энгеле боль. Когда гости легли отдохнуть после долгой дороги, Дарта почувствовала в полусне, как кто-то легонько трогает ее одеяло. Открыв глаза, она увидела морщинистое лицо свекрови: Энгеле зашла убедиться, что происходящее ей не привиделось во сне и невестка действительно приехала... Встреча жены с родными, сердечный привет, который она привезла с родины, успокоили Барона. Он и сам мечтает о поездке к матери и брату, подсчитывает в записной книжке расходы и намечает наиболее удобный маршрут: «Рига - Динабург - 204 версты, Динабург - Витебск - 224, Витебск - Орел - 488, Орел - Елец - 167, Елец – Грязи - 103, Грязи – Воронеж - 108...» А в 1878 году в письме племяннику Карлису Трейеру - очередное лаконичное предупреждение:

«Не обессудьте, что редко пишу, так как этому есть свои причины, не зависящие ни от меня, ни от родственников. Я уже надеялся год назад, что смогу вас навестить, но надежда эта развеялась...»

*

Есть ли кто еще умнее,
Чем смекалистая пчелка?
В ведро над цветком кружит,
А в ненастье мед творит.

LD, 30341

Даже в первые годы пребывания в Удеревке Кришьянис Барон, очевидно, поддерживает регулярную связь с московскими латышами. Об этом говорит телеграмма, полученная Рижским латышским обществом 21 октября 1869 года - в день открытия памятника Гарлибу Меркелю:

«Да здравствует памятник Меркелю, свобода латышского народа, просвещение, словесность, Латышское общество! Трейланд, Барон, Спаг, Валдемар».

Кто такой Трейланд, первый подписавший эту восторженную телеграмму?

В начале августа 1867 года, когда Барон находился уже в Воронежской губернии, к Валдемару пришел молодой латыш. Поношенный сюртучок, стоптанные сапоги, в кармане - 75 копеек. Это был Фрицис Трейланд, сын арендатора Рокайшской корчмы в Айзпутской волости, выпускник землемерного училища в Горках (Могилев), которому была обещана весьма скудно оплачиваемая должность в Московской межевой канцелярии. Со школьной скамьи Трейланд зачитывался «Петербургас Авизес». И вот теперь он пришел к бывшему ее издателю узнать, не может ли и он что-то делать для блага народа. Валдемар без особых колебаний предлагает ему работу по составлению нового «Русско-латышско-немецкого словаря», над которым уже работает Андрей Спагис. Когда Трейланд приходит вторично, чтобы взять необходимые материалы, Валдемар, прощаясь, прочувствованно говорит:

«Как я правильно оценил вас при первой встрече! Я тут же понял, что вы человек книжный, так как тянете голову вперед. Тихим нравом вы схожи с моим университетским другом Бароном. Тот тоже может целый вечер просидеть в компании, ни слова не сказав, но если уж говорит, то ни одного слова лишнего от него не услышишь».

С этих пор имя Фрициса Трейланда тесно связано с именами Валдемара и Барона. В 70-е годы он приобретает известность в латышской демократической культуре под

псевдонимом Фрицис Бривземниек - поэт, переводчик, языковед, фольклорист. Как фольклорист и переводчик наибольшее признание он приобретает в Москве - и среди живущих в Москве соотечественников, и в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. С виднейшими деятелями этого общества О.Ф.Миллером, А.П.Богдановым, Ф.Ф.Фортунатовым, Ф.И.Буслаевым, Н.Д.Поповым младолатыши вскоре устанавливают деловые связи.

В конце 60-х годов Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии активизирует изучение истории и этнографии малых народностей России. Это ярко иллюстрирует этнографическая выставка в музее Общества. Весной 1869 года, в дни ее открытия, пространный отчет о выставке печатает в «Балтияс Вестнесис» Фрицис Бривземниек. Он воздаст должное большой работе, проделанной для того, чтобы наиболее полно и всесторонне отразить быт, обычаи, обряды, прикладное искусство больших и малых народов. И далее Бривземниек останавливается на описании самого бедного стенда, где стоят два манекена в народных костюмах:

«Взгляд наш падает на женщину и мужчину, которые сразу завладевают нашим вниманием и как-то странно хватают за душу. На нем белый домотканый кафтан, узорный пояс, грубая черная шляпа с полями; на ней расшитое узорами покрывало, что зовется виллайне, полосатая домотканая юбка, скромные бусы, красивый веночек, сделанный стараниями единственной благодетельницы - природы; у обоих скорбные лица - о, боже, сколько же мы видали подобных людей в таких костюмах и с такими лицами! И глядя на них, мы как будто слышим в груди какой-то отголосок. Быстро смотрим мы на табличку внизу и читаем: латыш и латышка».

Для младолатышей выставка эта явилась очередным стимулом заняться сбором и осмыслением материалов, касающихся своего народа и духовной его культуры, ибо, как писал Бривземниек в своем отклике на выставку, «почему так ничтожно мало латыши представляются миру - латыши, которые населяют важнейшие области России, которые, как говорится, находятся у главной двери России в Европу, которые почитают Балтийское море своим, дарованным им Судьбою».

Но дело не только и не столько в представлении миру. Главное - это осознание ценности своей культуры. Барон, Валдемар, Бривземниек и их единомышленники понимают, что фольклор, народная песня, должны лечь в основу развивающейся литературы. В особенности народная песня со всем присущим ей демократизмом, справедливым взглядом на жизнь, с выработанными народом этическими законами и эстетическим чувством. И мешкать нельзя. Одновременно с бурным развитием грамотности, с увеличением числа выпускаемых книг народному вкусу все больше угрожает рыночное чтиво, наводняющее Латвию. Впоследствии Кришьянис Барон во вступлении к «Латышским дайнам» напишет:

«Молодое, поколение латышей день ото дня все больше отчуждается от прекрасной поэзии своего народа и питается по большей части весьма бездарными переводами и столь же бездарными подделками под чужие образцы, почерпнутые из газет и книжиц со слезливыми «куплетами». Они могут лишь портить народный вкус и на самом деле только портят его».

Младолатыши понимают и общечеловеческое, международное значение латышского фольклора. Это древнейший исторический документ, зафиксировавший покуда еще не осмысленные факты развития индоевропейского племени. Пространно говорит об этом Барон в письме Карлису Трейеру от 1 января 1880 года:

«Зачем мы собираем эти «пустячки»? О том, что это вовсе не пустячки, мы понимаем по тому, что многие ученые занимались ими, только эти ученые были из немцев. Пора и нам взяться за дело, пока не поздно. Вот и для изучения литовского народа недавно основали общество, в котором состоит много ученых. Многие филологи за границей и в России изучают теперь литовский и латышский языки, которые сохраняют близость к стволу общего европейского языка и посему весьма полезны в изысканиях.

Столь же большую пользу приносят им сведения о старых обычаях и повериях. Так что это отнюдь не «пустячки». Взять, например, заговоры, казалось бы, действительно пустяковое дело, и не стоят они того, чтобы их собирать и изучать. Но если посмотреть глубже, то обнаруживается, что они играют весьма важную роль в изучении народа. Заговоры, заклинания, поверья - это остатки древних религий, молитв и обрядовых действий, которые ныне кажутся совершенно бессмысленными, но, верно поняты и взятые в сравнении с другими сведениями, они раскрывают свою истинную суть. В древнейшие времена они не меньшую роль играли в жизни народа, чем современная религия с ее молебствиями и церемониями. Потому-то эти «предрассудки» и живут так долго в народной памяти. Поскольку все индоевропейские народы тесно связаны друг с другом - особенно это относится к древним временам, - то все эти сведения имеют ценность и для изучения других народов.

Но, может быть, подобное духовное наследие вовсе бесполезно для современного просвещения народа? - Обо всем этом сказать в письме я не могу, потому коснусь лишь народных песен. В них живет истинно поэтический дух, в них мы находим полновесные зерна мысли, выраженные точными, чудесными словами, по ним мы учимся чистому латышскому языку, на их примере мы познаем истинные законы поэзии. О том, что всего этого недостает нашим молодым «стихоплетам», мы еще будем жалеть».

В первой половине XIX века небольшие собрания латышских песен издавали немецкие пасторы Бергман, Вар, Бютнер. Издания эти, на латышском языке с немецким сопроводительным текстом, предназначались для узкого круга прибалтийских немцев, знающих латышский язык. До латышских крестьян из-за малого тиража они совсем не доходили и вскоре стали библиографической редкостью.

Новое направление в публикации латышских фольклорных материалов наметилось с 1868 года, когда в Вильно вышел составленный Янисом Спрогисом сборник «Памятники латышского народного творчества», ориентированный на круги русских ученых. В нем были помещены 1857 народных песен, 52 загадки и 3 пословицы, которые составитель записал в родных местах, на берегах Даугавы между Плявиняс и Кокнесе. Тексты даны на латышском (в русской транскрипции) и русском языках, а в предисловии обсуждались проблемы жанров латышского фольклора.

В начале 1869 года на заседании Общества было принято решение начать изучение этнографии латышского народа. Председатель Этнографического отдела Н.А. Попов разработал широкую программу сбора материалов, и в поездку по Лифляндии и Курляндии отправился Фрицис Бривземниек. По поручению Русского географического общества Латгалию и Литву объездил Юлий Калейс-Кузнецов.

Собранные Бривземниekom материалы оказались столь богатыми и интересными, что осенью он предлагает Этнографическому отделу издать часть их - народные песни - отдельным сборником. Они появляются в книге «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих. II том» (Москва, 1873), общим числом 1118 единиц, на латышском и русском языках, с пространным очерком на русском языке о латышской народной поэзии.

В книге «Труды этнографического отдела. Книга VI. Материалы по этнографии латышского племени» (Москва, 1881) появляется вторая публикация материалов Бривземниека, содержащая около 1700 пословиц, 1570 загадок и 710 заговоров на латышском и русском языках.

«Итак, первый замысел примерно осуществился: чистая и прекрасная поэзия латышей была представлена широкой русской публике и нашла признание многих ученых», - пишет Кришьянис Барон. В 1881 году Общество присуждает сборнику большую серебряную медаль, а Фрициса Бривземниека принимают в действительные члены Общества, как и знаменитого путешественника и этнографа Н. Миклухо-Маклая. С 1881 года членом-сотрудником Общества становится и Кришьянис Барон.

Хотя в 70-годах Барон живет в основном в Удеревке и Острогжске, он тесно связан с Бривземниеком. Когда Фрицис Бривземниек готовит к изданию (1877) перевод повести Гоголя «Тарас Бульба», Кришьянис Барон тщательно редактирует его. Для выпускаемого в 1881 году тома «Трудов этнографического отдела» Барон разрабатывает принципы орфографии латышского текста, обозначения интонации и т. п. А когда собирание фольклора приобретает такой размах, на который зачинатели даже не рассчитывали, московские латыши сочли нужным привлечь Барона к самой ответственной части работы - к обработке и подготовке всего собранного материала к изданию.

Решение было принято в 1878 году. В распоряжении Бривземниека в это время имеется уже свыше 10000 песен, он передает их Барону. В 1880 году число песен достигает 30000. А еще через десять лет - 155000. «Словно золотые пчелы, слетались дайны к Барону», - писал в 1945 году народный поэт Латвии Янис Судрабкалнс.

Откуда же они прилетели? «Откуда» - это самый удивительный рассказ в истории латышской культуры.

*

Цветет яблонька для яблоньки
На каждом на холме,
Поет сестрица для сестрицы
В каждой вотчинной земле.
LD, 251

Приступая к сбору фольклора, живущие в России латыши сознавали всю сложность дела: собирателю, по словам Бривземниека предстояло «черным трудом извлекать все необходимое из недр малоисследованного народа». Единственными, кто имел непосредственный контакт с носителями фольклора, были участники экспедиций, организованных на, средства русских научных обществ в 1869 - 1870 гг. Но они могли посетить лишь немногие волости, немногих людей в каждой волости. А ведь «Поет сестрица для сестрицы В каждой вотчинной земле»...

Поневоле московским латышам приходилось искать иные пути. Надо не только слушать, как народ поет, надо добиться, чтобы собирание фольклора стало делом самого народа. В предисловии к изданным в 1881 году «Материалам по этнографии латышского племени» Фрицис Бривземниек вспоминает:

«Для выполнения нашей задачи мы воспользовались культурной силою, созданной новейшей историей, а именно латышской периодической печатью, среди читателей которой много простого народа. Неоднократно мы обращались к своим соплеменникам с приглашением собирать и присылать в Москву уцелевшие в народе памятники латышского творчества «на пользу науки и латышского племени».

Отклик народа превзошел все ожидания. Спустя годы, московские латыши с волнением вспоминали о тех посланиях, которые поступали из самых различных уголков родины. «Казалось бы, давно уже пересохшие родники - народной памяти чудесно забили вновь, - писал Кришьянис Барон. Из всех концов Латвии поступали посылки, изобилующие сведениями о старине и воспоминаниями, где особенное место занимали песни». А Бривземниек в предисловии к «Материалам по этнографии» писал:

«Оказалось, что латышский народ под влиянием его современных стремлений и общегосударственного законодательного движения сделал крупные шаги на пути развития народного самосознания и умственной жизни. Во всех концах латышского края явились неутомимые и самоотверженные труженики, заботившиеся о спасении из волн Леты поэтических перлов народной старины. Народный учитель находил для этого дела свободную минуту среди своей поистине подвижнической деятельности; твердая рука малограмотного крестьянина сменяла в праздничный досуг и в длинные зимние вечера

тяжелые земледельческие орудия на непривычное перо. Даже вне этнографических границ латышского племени нашлись усердные сотрудники и особенно сотрудницы, верная память которых стремилась возратить незабвенной родине стародавние предания, унесенные оттуда в счастливые дни юности».

В первую очередь их корреспондентами стали представители удивительного авангарда латышской интеллигенции XIX века - народные учителя. Это они, еще при свече или тусклой керосиновой лампе, учили читать молодежь и стариков своего селения. Это они долгими зимними вечерами занимались с любительскими театральными группами, создавали хоры для Первого всеобщего певческого праздника, состоявшегося в Риге в 1873 году. Это они писали корреспонденции о жизни волости, основывали библиотеки, боролись за реформу орфографии и участвовали в десятках других начинаний. В ночной тиши они первыми читают Шиллера и Гете, Достоевского и Толстого, Диккенса и Бальзака, Белинского и других, восхищаются, мечтают и работают, работают, работают. Именно в результате их трудов в указателе к «Латышским дайнам» становится все меньше «белых пятен» - волостей, где не записаны песни. Многие из учителей и студентов, которые на каникулах с энтузиазмом занимались собиранием фольклора, стали потом писателями, поэтами, учеными.

Микус Кругземис, известный под псевдонимом Аусеклис, учительствовал в Лиелвардской волостной школе. Затаив дыхание, слушал он по вечерам сказки и песни своих учеников, а летом наведывался в отдаленные крестьянские усадьбы, чтобы записывать рассказы стариков. В толстой тетради его появляются все новые и новые песни, а в 1873 году в «Балтияс Вестнесис» публикуются «Письма из Лиелварде»:

«Где много песен, мудрых изречений, рассказов и сказок, там много и сочинителей песен, мудрецов, стариков, знающих предания, и старух, знающих сказки. Здесь можно найти стариков, которые рассуждают столь умно, что даже Сократ, Платон и другие древние прославленные мудрецы не постыдились бы за них, слыша их рассуждения».

В этом же году выходят его «Стихи», обозначившие новый этап в латышской лирике именно благодаря их глубокой народности. Стихотворение «Замок света», положенное на музыку Язепом Витолом, и сегодня еще звучит как гимн веками хранившейся в народе демократической культуре, возрожденной младолатышами:

Курземе, земля родная.
Вольных предков колыбель.
Где твои бывшие боги?
Где отважные сыны?

А ведь жили на высоком,
Светом залитом холме.
Лес еловый - щит надежный,
Светлый замок среди лесов.

Напиталась отчей кровью
Наша отчая земля,
Весь народ повергнут в рабство,
Пали храбрые сыны.

Скрылся, в землю погрузился
Светлый замок на холме.
Там и забвеньи наши боги,
Все, чем дух наш был богат...

Отыскать бы только слово -
И восстал бы замок тот,
С ним народ вернул бы славу
Лучезарную свою.

И сыны народа слово
Стародавнее нашли.
С их призывом: К свету! К свету!
Замок света восстает...

Ансис Лерхис-Пушкайтис, учитель из Джуксте, десять лет записывал в своей и соседних волостях сказки, которые составили потом четыре тома. Когда Фрицис Бривземниек передал в его распоряжение свое московское собрание, появилась возможность издать «Латышские народные предания и сказки» в семи томах (1891-1903).

Студент Петербургского университета Яинис Пликшан в конце 80-х годов обходил латгальские селения, записывал песни и обряды. На базе собранного материала он в 1890 году написал интересное исследование «Свадебные обряды Вышковской волости». Пройдет еще семь-восемь лет - и латышское общество в его лице признает самого яркого представителя своей культуры - поэта Яна Райниса.

Будучи еще школьником, много песен и сказок записал сын крестьянина Кроня-Иршской волости Карлис Земитис. В латышскую литературу он войдет как Персиетис - талантливый автор коротких реалистических рассказов и басен.

Записывает рассказы своей бабушки и батрачек из имения Дзирциемс писатель Эрнест Бирзниек-Упитис...

Перечень этот можно дополнить именами почти всех латышских литераторов. Многие из них начинали свою деятельность с собирания фольклора - передавали собранные материалы Барону и Бривземниеку или сами их публиковали.

Но помимо этого передового отряда собирателей удивительную отзывчивость и заинтересованность проявили люди, которые не думали о литературном труде, об участии в культурной жизни вообще. Те, для кого песня веками была единственной радостью в тяжкие минуты, помощницей в труде, советчицей и наставницей. Песня, ими созданная, ими выношенная, ими сохраненная. Известие о том, что бывшие издатели «Петербуржас Авизес», ныне живущие в Москве, хотят собрать народные песни и воздать должное тому единственному богатству, которое латышский крестьянин мог назвать своим, вызвало наибольший отклик именно в самой гуще народа. Фрицис Бривземниек писал:

«Посылки сотрудников сопровождалась письмами самого теплого, иногда трогательного содержания. Вот, например, крестьяне - авторы коллективного письма, сопутствующего около 50 мелко исписанных листов с интересным этнографическим материалом, сердечно извиняются, что они, мол, так мало могут помочь московскому этнографическому замыслу, потому что известно - их дело крестьянское: «Работ по сельскому хозяйству много, болезни подчас одолевают» и тому подобные смягчающие обстоятельства. Вот - письмо лично нам незнакомой сотрудницы, посылающей богатое собрание материалов, дышащее самым живым, сердечным опасением за здоровье редактора Сборника, причем в извинение «неразборчивого письма» упоминается, что сотрудница одновременно ногою качала своего ребенка в люльке, а рукою писала посылаемые народные предания и письмо». Случается, люди, записывавшие песни, сообщают трогательные сведения о, как бы мы сейчас сказали, информантах. Так, к песням крестьянки Лавизы Кемере приложено письмо: «Родители у нее умерли, осталась она круглой сироткой, которой, как и всем сиротам в прежние времена, довелось перенести все, что на плечи валилось. Уже с восьми лет ей пришлось жить, снося побои больших по тем временам людей - старосты, надзирателя и скотницы. Можно представить, что она вынесла и какие чувства вкладывала в песни!»

От Лавизы Кемере записано 232 песни. Здесь следует заметить, что основными исполнителями и хранителями песен всегда были женщины. Этот факт явственно ощущается в содержании песен, где чаще всего говорится о женских чувствах и от лица женщины. Ян Райнис, оценивая в 1921 году судьбу народной песни на фоне исторической и духовной жизни народа, писал: «Латышская женщина сохранила, а может быть, создала народную поэзию».

Участие Лавизы Кемере и ей подобных в сохранении фольклора, очевидно, определило своеобразие содержания там, где речь идет об эмоциональном, глубоком портрете сироты. В нем выразились все этические и эстетические идеалы трудового народа - духовная твердость, гармония, благожелательность, нежность, любовь и теплое чувство ко всему живому. Из этого образа органически вырастает символ живущего в рабстве народа, который никогда не утрачивал человечности, веры в Лайму⁶ и Сауле - величайших заступниц обездоленных.

⁶ Лайма - олицетворение судьбы и счастья в латышской мифологии.

Коли яблонька цветет –
Всех дерев белее.
Коль сиротка хороша-
Всех девиц милее.
LD, 4503

Ах, сиротка, сиротинка!
Сколько слез ты проливаешь!
Где скатилась слезника,
Там сверкнула серебрянка.
LD, 3909

Поэт Линард Лайцен, подготавливая издание дайн в Советском Союзе в 1935 году, писал:

«Собирание фольклора носило характер пробуждения угнетенных народов и низших слоев народа вообще, поскольку фольклор бытовал именно в этих слоях».

Более того - угнетенные, униженные слои народа восприняли собирание фольклора как процесс, имеющий большое историческое значение. Народ, сохранивший свой фольклор, обретает вечность и жизни человечества.

*

У меня в моем садочке
Песен всяких - пять ларей.
Спела песню - и в клубочек,
Пусть хранится про запас.
LD, 47

В начале 80-х годов семья Станкевичей не требует уже такого внимания дети выросли. И Кришьянис Барон находит себе место преподавателя немецкого языка в женской Мариинской гимназии в Москве. Подготовка к урокам и преподавание отнимают много времени, но другого выхода нет - собирание народных песен не приносит и не принесет никакого дохода или вознаграждения. Наоборот - неоднократно он и сам оказывает материальную поддержку какому-нибудь нуждающемуся помощнику.

В Москве Барон живет с семьей - с женой и сыном, который учится на медицинском факультете. Дочь Анна умерла. Бароны снимают квартиру напротив дома

Станкевичей в Столовом переулке, на втором этаже деревянного домика. Рабочий день Кришьяниса Барона поделен на три части - занятия дома, у Станкевичей и в гимназии.

Квартира Баронов в Москве становится излюбленным местом собраний латышей. Как и в Дерите, возникает кружок, участники которого обсуждают последние события на родине, новые замыслы в деле развития народной культуры, способы помочь нуждающимся латышским студентам и т. п. В доме Барона находится библиотека кружка, сюда приходит молодежь на спевки, сюда заглядывают приехавшие из Латвии.

Здесь Кришьянис Барон и развертывает работу по систематизации песен. Прежде всего - переписка, так как присланные песни написаны разной рукой, с соблюдением или несоблюдением определенных правил, обычно без какой-либо тематической последовательности. Чтобы хоть как-то их систематизировать, разделить на тематические группы, объединить варианты, надо прежде всего свести каждую песню к единице - классическому чстырехстишшо.

В основе своей древняя латышская песня создавалась как миниатюра, где первые две строки содержат постановку проблемы, исходный пункт действия, вторые две - поэтическое разрешение, обобщение, завершение действия.

Есть, правда, и ряд тематических песен, есть длинные песни с сюжетным развитием, но основной корпус классических песен образован именно по этому принципу.

Братец мой в кафтане сером
На коне на черном ездит.
А гляди ты, как красиво:
Серый цвет на черном!
LD, 29887

Парни спрятать свое сердце
В серый камень норовят;
Стоит девкам показаться -
Трескаются валуны.
LD, 12766

Итак, каждое четверостишие, шестистишие, каждая отдельная песня - на отдельный листочек. Даже вариант. Десятки тысяч, сотни тысяч листочков размером три на одиннадцать сантиметров. Сначала Барон хранит их в пустых коробках из-под папиросных гильз. Но в 1880 году, когда работа развернулась по-настоящему, он заказал особый шкаф для хранения и систематизации переписанного материала. Шкаф состоял из двух половин, в каждой тридцать пять ящичков, в каждом ящичке - двадцать отделений, и в каждом отделении может поместиться до двухсот листочков вместе с данными о том, кто прислал песню.

Шкафу уже сто лет, и он, наполненный песнями, как улей медом, хранится в сейфе сектора фольклора Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР. Может быть его сейчас можно сравнить с электронно-счетной машиной, хранящей огромное количество информации? Или с атомным ядром, в котором с незапамятных времен содержится заряд неистраченной духовной энергии?

Этот вот, тогда еще новенький шкаф с дайнами сто лет назад стоял перед Кришьянисом Бароном как проблема. Заполненный претворенным в дайны опытом десятков поколений и все еще насыщаясь им, он задавал исследователю самый трудный вопрос: как подать все это огромное богатство читателю, чтобы в нем правдиво, в соответствии с реальной жизнью раскрылась творческая сила народа?

Вопрос о систематизации и издании дайн становится основной задачей в дальнейшей работе Барона.

Глава V

СОСТАВЛЕНИЕ «ЛАТЫШСКИХ ДАЙН»

Идет солнце к полудню,
От полудня - к вечеру;
Так вот и прошел мой век
От молодости к старости.
LD, 27287

В 1892 году Карлис Барон закончил Московский университет и получил работу в Риге. Спустя год возвращается на родину и отец. Тихое, почти никем не замеченное возвращение - в культурной жизни родины имя Барона не звучало почти тридцать лет, и младолатышские времена теперь казались легендарным прошлым.

Перемены как в культурной, так и в экономической жизни были здесь огромными. Некогда младолатыши боролись за право самим издавать одну-единственную газету. Теперь, в 90-х годах число периодических изданий приближается к десяти. Есть свой профессиональный театр в Риге и десятки способных любительских коллективов в провинции, свыше ста певческих обществ. Есть свои композиторы, живописцы, традиции своей письменной литературы; в эти годы начинается такой расцвет поэзии, что его называют золотым веком латышской лирики...

Изменилась до неузнаваемости и внутренняя структура общества. С 70-х годов «...в Латвии продолжается развитие капитализма, углубляется социальная дифференциация. Городские рабочие и безземельные крестьяне попадают в условия усиливающейся эксплуатации. (...) Во время обострения классовой борьбы латышская буржуазия утратила свой кратковременный прогрессивный характер, стала реакционной. Идеологи буржуазии, правда, объявляли себя младолатышами, произносили красивые фразы о «латышском патриотизме» и «единстве народа», но с прогрессивными стремлениями младолатышского движения 50-60-х годов деятельность их в 70-80-х годах не имела ничего общего.

Однако общественное оживление, возникшее с пробуждением национального сознания, не иссякло».¹

¹ История латышской литературы: В 2-х т. Рига, 1971, т. I, с. 51—52.

Во главе прогрессивно настроенной части общества на защиту всех страдающих и обездоленных вновь поднимается молодежь. На сей раз «новотеченцы» - латышская демократическая и революционная интеллигенция. Она стоит в резкой оппозиции к латышской буржуазии с ее духовным оскудением и меркантилизмом, начинает пропаганду марксизма среди рабочих, активно участвует в создании латышской социал-демократической организации. Трибуной их становится газета «Диенас Лапа» («Ежедневный листок») - гордость латышской периодики 90-х годов. Во главе газеты стоит будущий поэт Ян Райнис.

После возвращения в Ригу в декабре 1893 года Кришьянис Барон пишет своему бывшему воспитаннику Ивану Станкевичу:

«После долгого отсутствия 30 лет - вновь оказавшись на родине, я нашел, что здесь все очень изменилось, и должен признать, что нельзя отрицать значительного прогресса как в духовной, так и в материальной жизни по сравнению с прошлым. Все это радует. Но лично я чувствую себя довольно одиноко. Мои прежние друзья и сверстники большей частью поумирали, меня окружают новые люди, новые идеи».

В 1891 году умер Кришьянис Валдемар. Поседел пламенный Бривземниек, который перебрался в Латвию в 1887 году и служит в Главном управлении латышскими школами. В основном ему приходится прилагать все усилия, чтобы противостоять

влиянию немецких помещиков. А Кришьянис Барон, покинувший родину юношей, на которого были обращены взгляды всего общества, вернулся почти шестидесятилетним. О деятельности его знают только те, кто непосредственно связан с собиранием фольклора.

И хоть приезд его прошел незамеченным, но вернулся на родину Барон богатым. С ним и заполненный дайнами шкаф, и хорошо продуманная и мотивированная программа обработки и систематизации народных песен.

*

То глаза боятся дела,
Руки дела не боятся,
Руки дела не боятся,
А берут да делают.

LD, 6853

Московские латыши сначала планировали опубликовать только избранные песни, поскольку издания, адресованного латышам, до 1888 года вообще не было. Но охватить все богатство дайн, число которых в начале 90-х годов достигло уже сотен тысяч, было бы очень трудно. И средств на издание было очень мало. Состояли они из тех денег, которые сами москвичи собрали раньше. Сумма эта к 1891 году составила 343 рубля и 71 копейку. И тут появляется молодой, энергичный помощник - владелец торговой фирмы и журналист Генри Виссендорф. Бривземниек сумел заинтересовать его судьбой народных песен. В 1892 году Виссендорф начал переписку с Бароном и быстро организовал сбор средств.

Когда дело принимает столь широкий размах, Кришьянис Барон вносит коррективы в первоначальный замысел. В письме Г.Виссендорфу от 21 марта 1893 года он пишет:

«А теперь о самом важном, что лежит у меня на сердце, о чем я думаю каждый день. Мы решили выпустить в свет сначала сокращенное (без вариантов) и только потом уже полное издание (с вариантами и именами собирателей и названиями географических пунктов). После долгого и здравого размышления я склоняюсь совсем к противоположному. Раз уж дело доходит до печатания, то надо начинать сразу с полного издания».

Далее следует обоснование такого решения. Во-первых, полная публикация народных песен, со всеми вариантами - единственное надежное средство от случайностей, которые могут иметь место, когда все собрание состоит из маленьких рукописных листочков. Во-вторых, Барон хорошо сознает, сколько ему лет - «кто знает, сколько у нас материальных и других возможностей остается». И есть еще один важный мотив - чувство ответственности перед теми, кто помогал собирать песни и перед теми, кто ждет эти песни для научных исследований.

«Кто больше всего ждет этого издания, так это сами собиратели, и уж они-то будут огорчены кратким изданием. И еще ждут - очень ждут - ученые, которым важны любые мелочи. Наше издание мы не можем назвать научным исследованием, это всего лишь наполовину верно составленное собрание по возможности полных материалов. Научные исследования народной жизни и песни неисчерпаемы и могут производиться лишь учеными разных специальностей и по разным источникам».

Немного позже в предисловии к «Латышским дайнам» Барон подчеркивает еще одно существенное преимущество полного издания. Все предыдущие издания - избранные, имеющие целью дать читателю то, что счел самым интересным и «художественным» составитель, или, как в сборниках Я. Спрогиса или Фр. Бривземниека, - то, что имеет существенное значение для ученых других народов, интересующихся вопросами латышской этнографии. Но избранное - это всего лишь избранное. Только

издание универсального характера не страдает односторонностью, навязанной рамками избранного, и может представить до максимума насыщенный правдой жизни материал. Избранные «в большей или меньшей мере, берут народную жизнь односторонне, идеализируют ее. Сам народ в своих бесчисленных песнях изображает себя и свою повседневную жизнь гораздо шире, свободнее, откровеннее. Полное издание должно следовать этому образцу, и нельзя отметить как нечто лишнее и нестоящее то, что народ для нас сохранил.

Сохранил как нечто выражающее всю полноту человеческой жизни. Посему мы хотели бы включить в полное издание все собранные нами подлинно народные песни, а не так, как бывало доселе, - лишь «наилучшее» или, точнее говоря, то, что было удобнее представить составителю».

Переписка Барона с Виссендорфом продолжалась двадцать два года - все время, пока издавались «Латышские дайны». Вместе с черновиками писем к собирателям фольклора эта переписка в наши дни является самым полным и волнующим документом, рассказывающим о тех принципах, которыми руководствовался Отец латышских дайн, осуществляя труд своей жизни.

Здесь Кришьянис Барон обозначил и степень научности готовящегося издания. Несколько раз он самокритично подчеркивал, что не в его силах подготовить научное исследование. Но он делает все от него зависящее, чтобы по возможности точно зафиксировать все языковое своеобразие дайн, чтобы не допустить публикации ненастоящих, порой самими записывающими сочиненных песен или переделок, чтобы точно передать многочисленные варианты, где отличие от основного текста всего лишь в нескольких словах, но эти слова порою приносят существенные нюансы как в содержание дайны, так и в понимание развития языка. Барон тщательно следит, чтобы в публикации были отражены все исполнители и все волости, где песня в том или ином варианте была записана. Словом, чтобы по возможности добротной была обработана материал для будущих исследователей, которые смогут потом интерпретировать как поэтику и содержание песни, так и исторические, языковые, этнографические и другие сведения, содержащиеся в ней. Поэтому Карлис Арайс в 1962 году с полным правом мог писать о «Латышских дайнах»:

«Издание, задуманное как избранное и общедоступное (без вариантов) собрание народных песен, в руках Кришьяниса Барона превратилось в одно из самых обширных изданий народной поэзии в мировой литературе... Одновременно в «Латышских дайнах» сочетались два принципа - популярный и научный. Это отражается в графической подаче материала: если включение вариантов Кришьянис Барон тесно связывал с научным назначением издания, то столь же внимательно он учитывал и второй адресат - широкую читательскую аудиторию, которая имела возможность ознакомиться со всем сопутствующим материалом так называемого главного текста».

Хотя за годы, проведенные в России, Кришьянис Барон внимательно изучил фольклорные издания и разбирался в принципах публикации, многое в издании латышских песен выглядело необычным из-за своеобразия их. В связи с этим нужно было быть готовым отвечать на обоснованные и необоснованные упреки, уместные и неуместные советы. Если Генри Виссендорф, как это часто бывает с деятелями культуры, любое замечание со стороны воспринимал болезненно и тут же собирался бурно отстаивать свое мнение, Кришьянис Барон спокойно писал о существующих и возможных возражениях:

«На критиков я отнюдь не сержусь. Разумеется, мы во многих отношениях можем ошибаться и ошибаемся. Было бы хорошо, если бы кто-то указал нам правильный путь; но поскольку ждать этого очень долго, а может быть и тщетно, то остается лишь самим идти по избранному пути, пусть даже и спотыкаясь». (Письмо от 10 января 1893 года.)

К классификации и изданию песен Кришьянис Барон подходит как ученый большого масштаба, который ищет связи, аналогии, который осмеливается выдвигать

гипотезы и трудом своим доказывать жизнеспособность этих гипотез. 2 мая 1893 года он как будто между прочим набрасывает в письме свой рабочий метод, касаясь языковых проблем, но метод этот может быть применен также при решении других проблем исследования народных песен:

«Сам я не языковед, моя специальность скорее - естественные науки... Я охотно пользуюсь методом исследования природы, объединяя разные факты в рамках одной гипотезы, благодаря чему я лучше могу их рассмотреть. Гипотеза может быть неполной, может быть иной раз вовсе неверной, но ведь в каком-то смысле она служит нам и может быть дополнена или заменена другой».

Как же эти гипотезы, переходящие в теорию, проявляются в первом большом издании народных песен, а именно в «Латышских дайнах»?

*

Ты волнуйся, моя рожь,
В поле с девятью логами,
Братец мой готовит клеть
С девятью закромами.
LD, 28037

В первых небольших собраниях латышских народных песен, изданных немцами, нет единого принципа размещения материала. В сборниках дайн Бютнера и Билленштейна песни объединены в группы, но видно, что составители сборников игнорируют тесную связь дайн с реальной жизнью тех, кто их складывал и пел.

Первые составители воспринимали песни как отдельные, самостоятельные стихотворения, ценность которых определяется их художественными достоинствами, а оценка степени художественности в свою очередь была делом вкуса составителя. Кришьянис Барон выдвигает совершенно противоположную гипотезу и доказывает ее всем обширным песенным и этнографическим материалом: песня неразрывно связана с самой жизнью народа в ее непрерывном движении. Она создается этой жизнью, насыщена ею и - в этом и состоит огромная общечеловеческая ценность ее - она свидетельство этой жизни. Художественно уникальная поэзия представляет собой одновременно и документ народной жизни.

Выдвигая подобную концепцию, Кришьянис Барон проявил себя как современный ученый, который самостоятельно пришел к глубоко материалистическому и диалектическому пониманию народной песни. В 1892 году в письме К. Трейеру он подчеркивает, размышляя о принципе систематизации:

«Я ставлю себе образцом народную жизнь, и песня является ее духовной стороной, так сказать, душой для тела. В живом организме обе эти стороны неразрывны, одна другой придает истинный смысл. Что жизнь каждый раз являет взору, то песня и отражает поэтически. Жизнь богата и разнообразна, и потому сокровищница песен преизобильна. Жизнь не всегда прекрасна ни в материальном, ни в моральном смысле, песня этого и не скрывает. Здесь мы должны следовать ее примеру - не идеализировать жизнь там, где она далека от идеала, и не отметать, как несостоящее то, что она преподносит нам как часть жизни во всей ее полноте».

Поэтому недостаточно соединить песни только тематически, взяв за основу предметы и явления, названные в них, и рассматривать их «только в свете красоты поэзии и с точки зрения поэтичности». В предисловии к «Латышским дайнам» Барон пишет: «Истинно верное освещение народной песни придает полная и верно понятая жизнь народа и его воззрения, судьба народная, народное сердце и душа, и мы займем верную позицию, если проникнемся чувствами простых людей в те минуты, в тех случаях и обстоятельствах, когда они свои песни поют или пели раньше, если сможем мысленно, душою, сочувствовать тем, кто песню пел и кто ее слушал».

С этой точки зрения Кришьянис Барон критикует классификацию дайн в собраниях Яниса Спрогиса и Августа Билленштейна, так как и в том и в другом случае «обстоятельства и случаи» не приняты во внимание. Оба составителя, например, выделяют в отдельные тематические группы песни о природе, деревьях, животных, птицах и т. д.

«Систему и мельчайшие подразделения набросать куда легче, чем потом правильно поместить в них некоторые довольно строптивные песни... Попытаемся понять, почему песни не совпадают с избранной классификационной схемой, почему, например, дуб и липа, сокол и куропатка и др. объекты, упомянутые в песне, все же не дают оснований помещать эти песни под данными заголовками [«Растительное царство», «Царство животных» - С. В.]. Причину найти нетрудно. Сами по себе эти объекты не составляют смысла песен, это лишь поэтические средства, они служат лишь в качестве сравнения для создания поэтической картины. Предмет песни - сам человек в какой-нибудь жизненной ситуации. Песен непосредственно о природе у нас очень мало...»

Кришьянису Барону, глубокому знатоку жизни народа, выросшему в атмосфере песни и внимательно изучившему ее проявления, совершенно ясно, что песни о куропатке и ястребе - свадебные песни. Ястреб, уносящий в когтях венец куропатки или саму куропатку, не кто иной, как жених, который похитил или сосватал и увез с собой будущую хозяйку, которая будет «Стелить мягкую постельку, Чтобы рядышком лежать». Липа и дуб в песне - это молодые люди - парень и девушка в пору ухаживаний.

Растет крепенький дубок
На глинистой горочке.
А его с соседней горки
Дразнит липка пышная.

LD, 2804

Кришьянис Барон протестует и против того, что составители полностью исключают связь с жизненным циклом человека так называемых мифологических песен, особенно песен о Диеве, Маре⁴ и Лайме - древних латышских божествах, вершителях человеческих судеб, покровителях, чье присутствие отчетливее и конкретнее всего ощущается в решающие минуты жизни:

⁴ Диев - верховное божество латышской мифологии; Мара - покровительница женщин, всего живого.

Мне бы, Лайма, жизнь такую,
Как у яблоньки и липки:
Чтоб как липка я росла,
Чтоб как яблонька цвела.

LD, 1199

Яркий, яркий огонек,
Там, где темный уголок:
Это Мара ткать приданое
Сиротке помогла.

LD, 4997

Диев идет по полюшку
С золотой кошницею:
Барам сеет полевицу,
Пахарю - ячмень и ржицу.

LD, 27953

В предисловии к «Латышским дайнам» Кришьянис Барон пишет: «Мифологические песни, т. е. песни о древних божествах и древних верованиях, по большей части не являются самостоятельными и независимыми от человеческой жизни; их трудно отделить от песен, отражающих другие обычаи и иные житейские обстоятельства, свести их в особый раздел. Помимо полуобособленных песен о Сауле, Месяце, сыновьях Диева и дочерях Сауле и песен о Перконе⁵, о старых верованиях прежде всего повествуют песни, связанные с разными праздниками и торжествами; затем обрядовые песни по случаю крестин, свадьбы, похорон и других событий жизненного цикла или трудовых процессов. Кроме того, особенно много песен, связанных с Лаймой (Марой), рассеяно по многим другим разделам, где они находятся на своем естественном месте. Кто занимается исключительно мифологией, тому придется извлекать их из разных разделов, объединять и сопоставлять по своей надобности».

5 Перкон - олицетворение грозных сил природы, грозы, грома.

К чему приводит неправильное размещение песен, незнание корней их возникновения и ситуаций, в которых они поются, Барон показывает на примере песен об отношениях невестки и свекрови. За малыми исключениями, эти песни «сердитые, вздорные, задиристые».

На меня свекровь ярится,
Будто лен треплю я плохо.
Чтоб тебя трепали черти
Так же, как треплю я лихо.
LD, 22672

И тем не менее ни в коем случае нельзя эти песни помещать в раздел, отражающий семейные отношения: «Это насмешливые свадебные песни, исполняемые и стороной жениха, и стороной невесты. В них содержится серьезное наставление. Резкими, пугающими словами рисуя дурное совместное житье и пагубу его, они в действительности хотят уберечь семью от раздоров. Ведь и жениха с невестой обе стороны поносят чуть ли не последними словами. Неужели же, судя по этим песням, наши парни и девушки и впрямь такие уж непутевые? Истинный смысл и назначение этих песен высмеиваемые хорошо сознают и понимают, и потому даже на самые ужасные обвинения не обижаются, не толкуют их в прямом смысле. И мы не должны понимать их превратно, нужно помещать каждую песню в раздел, отражающий ситуацию, когда она действительно поется, куда сам народ ее помещает».

Говоря словами Кришьяниса Барона, в каком-то смысле у песен драматическая природа, они должны появляться на сцене в соответствующее время и в соответствующем месте. Поющий не должен ни высказывать раньше времени, ни запаздывать. В целом они воссоздают сценку из народной жизни, составленную из песенных мгновений мозаику. Выхваченные из контекста, песни порой кажутся непонятными или понимаются неверно.

Эта тесная привязанность к конкретному моменту и месту и определяет форму классической народной песни и ее удивительный динамизм:

«В то время, как длинные песни неторопливо и обстоятельно повествуют о каких-то давних событиях, о каком-нибудь переживании от его начала до конца, короткие наши песни, следуя одна за другой, движутся вперед вместе с жизнью, вместе с трудом. Им некогда быть болтливо длинными. Но именно в своей строгой краткости они являют настоящую силу поэзии. Скупыми, но полновесными словами они умеют исчерпывающе, во всем многообразии характеризовать предмет, умеют содержащимся в них чувством тронуть сердце слушателя, умеют создать перед мысленным нашим взором целую картину, умеют приводить в действие наши собственные духовные силы».

Как ученый придя к пониманию конкретной связи народной песни с жизнью народа, Кришьянис Барон в самом подходе к размещению песен раскрывается и как поэт в истинном смысле этого слова. Он знает, что в искусстве все сводится к индивиду, к радостям и горестям отдельного человека, все проверяется чувством - и социальный опыт, и философские мысли. Поэтому основой будничного эпоса народной жизни Кришьянис Барон считает жизненный цикл человека, который всегда тесно связан с обществом, с природой, перерастает в жизненный цикл поколения и как органическое единство содержит все, что подчиняется чувству, рассудку и мечте в том мире, где человек живет и трудится.

Итак, первый большой «закром» - раздел в собрании народных песен это песни о жизненном пути человека: рождении ребенка, ритуальном введении в семью и род, воспитании, молодых годах, любовной поре и изобильной песнями поре сватовства, свадьбе с ее действием, семейной жизни, старости, смерти, похоронах. Второй «закром» - песни о различных ремеслах и работах при доме, в поле, на выгоне, в лесу, на реке, в море. Третий - песни о мире, с которым сталкивается человек вне усадьбы и семьи, - об отношениях батрака и хозяина, соседей, богатых и бедных, но более всего - об отношениях с помещиком, «бароном», «немцем». Четвертый - песни о международных делах, насколько они могут входить в жизнь сельской усадьбы; песни о войне, о других, враждебных или дружественных народах, грустные рекрутские песни о том, как приходилось на долгие годы уходить служить императору. Пятый - песни о праздниках и торжествах и среди них прежде всего песни, связанные с днем летнего солнцеворота – величанием Яниса⁶. Шестой - мифологические песни о Солнце (Сауле) и Месяце, Перконе и Диеве. В них мы находим персонификацию и обожествление природных явлений.

6День Яниса, день Лиго - 24 июня - праздник божества плодородия, родственник многим народам Европы (день Ивана Купалы - у восточных славян).

В этой классификации есть лишь одно-единственное отступление от общей схемы. Выпуски «Латышских дайн» открывались обширным разделом о песнях и пении. Таким началом Кришьянис Барон хотел еще больше подчеркнуть роль, которую песня играла в жизни народа. Он писал:

«В этом разделе мы собрали песни, в которых сам народ прямо или косвенно свидетельствует, что песни и пение - одно из дорогих ему духовных сокровищ, что песня - ангел-хранитель, сопровождающий латыша от материнского лоно по всем житейским дорогам, во всех трудах и начинаниях, во всех радостях и горестях, в хорошую и дурную пору; что она учит его и утверждает в добрых понятиях, бранит и осуждает пороки и опрометчивые действия, исправляет непутевого, жалеет и оберегает слабого, кротко указывает верный путь заблудшему: песня, словно верный проводник, не оставляет его всю жизнь, пока не примет его земное лоно. Если мы хотим правильно понять народную поэзию, нам нужно прежде всего войти в положение самого народа, проникнуться его чувствами и взглядами, почувствовать в себе его сердце и душу. И назначение этого раздела - подготовить читателя к последующим, к которым эти песни тематически примыкают. Мы избрали сей путь, не желая вступлениями иного рода навязывать читателю свои субъективные взгляды и мнения, а предоставляя самому народу дать прямое, неподдельное свидетельство...»

*

Ну-ка, ну-ка, заплатите,
Если я красиво пела;
Вам-то ладно было слушать,
Да убыток языку.

LD, 974

Первая тетрадь первого тома «Латышских дайн» вышла 21 мая 1894 года. Издание всего первого тома - 969 страниц песенных текстов с комментариями и 24 страницы предисловия - затянулось до весны 1898 года. Продолжали поступать новые записи из таких мест, где к сбору песен приступили позже. И Кришьянис Барон не соглашается с Виссендорфом, который предлагает прекратить включение новых текстов в издание. Отец дайн знал: только опубликованная песня спасена от забвения и гибели, и только по возможности полная публикация дает представление о действительной жизни народа, его этических законах и эстетических воззрениях. Уже к первому тому было приложено обширное дополнение с новыми поступлениями и вариантами, и такие же приложения имелись в последующих томах.

Много затруднений было связано с языком записей. Кришьянис Барон хорошо понимал важность публикации диалектных форм, поскольку они играют весьма существенную роль в правильном истолковании истории языка, в раскрытии внутренней диалектики его развития и становления. Приходилось отсеивать из присланных так называемые «новые песни» - тексты, которые составитель резко характеризовал как «только-только сейчас сляпанные, поддельные или сладенькие попевки сентиментальных барышень, безо всякой поэтичности и смысла». Кришьянис Барон подчеркивал:

«Первым сочинителем песни может быть кто попало, народной она станет лишь тогда, когда сочинение его пройдет через длительную народную цензуру и наконец обретет такой вид, что народ признает ее всеобщей собственностью, на которую первоначальный сочинитель уже не имеет никаких прав... Но в его сочинении должен быть здоровый росток, чтобы народ взялся выращивать его».

Пришлось также вносить ясность в вопрос о древности песен, об отношении к явно новым словам, о включении в песню новых понятий, о чем еще десятилетиями будут спорить латышские фольклористы. И в письмах к собирателям, и в других рукописных документах, и в предисловии к «Латышским дайнам» Кришьянис Барон подчеркивает одно: являясь продуктом глубокой старины, дайна непрерывно развивалась и приобретала все новые нюансы и наслоения, печать нового времени.

В качестве яркого примера Барон упоминает так называемые опевальные, или корильные, песни, которые возникают спонтанно, в основном на больших торжествах, чаще всего на свадьбах или в Янов день: «Корить могут разные новшества, например, одежду, начищенные ваксой сапоги, очки на носу и др. И все это вплетается в старые песни; некоторые сочиняют новые строки по старому образцу. И проделывают это не какие-нибудь выдающиеся поэты, а сами певички по мере надобности. Таким образом, наши песни включили чужие слова, потому что хотелось использовать их для пущего смеха или эффекта. При этом может быть получался не всегда гладкий стих, но при пении все сглаживалось, а иногда стих даже приобретал от этой шероховатости еще большую характерность».

Очень много времени отнимало размещение вариантов и отбор основных текстов. Схожие, почти совершенно адекватные песни поступают из разных мест, от разных корреспондентов. Различие иной раз в одной строке, в одном слове. Но все эти песни полноправны, и чем больше Кришьянис Барон вникает в особенность данного варианта, тем более важным и существенным он ему кажется. В марте 1893 года, готовя рукопись первого тома, Кришьянис Барон пишет Виссендорфу:

«Иной раз имеется 50 и больше вариантов одной песни; чтобы кратко и точно упорядочить все это, требуется много времени. За одной песней можно просидеть целый день. Сделать это как-нибудь мы не можем, потому что тогда варианты для исследователей не будут иметь никакого значения. И в процессе работы я все больше замечаю, что часто какое-то пустяковое, как оно поначалу кажется, словцо имеет все права в том или ином отношении быть замеченным».

Вот, например, текст песни:

Не всегда восходит солнце
С лучиками алыми...

А ведь есть варианты: «Не всегда восходит Солнце На листочке серебристом...» И еще: «...С золотистым венчиком...» У каждого своя поэзия, свой неповторимый нюанс видения мира. Какой же вариант взять в качестве основного текста?

Затягивают издание дайн и осложнения материального порядка. В начале 1895 года обанкротилось предприятие, взявшее на себя печатание. Пропала часть подписных денег и с трудом удается набрать рукопись. Вместе с этим угасла надежда получить от издания «Латышских дайн» хоть какой-то доход. Единственная компенсация за весь грандиозный манускрипт первого тома - двадцать экземпляров книги. Большую часть их составитель роздал друзьям и тем людям, которые помогали в сборе песен. Когда первый том наконец вышел, Кришьянис Барон в 1898 году собирается даже отложить дальнейшую работу, потому что «необходимо как-то зарабатывать, дело в том, что сын женился, а я не хочу полностью зависеть от него». Так писал Виссендорфу этот гордый и независимый человек, который отказался от предложенного Станкевичем содержания в старости. Тогда Фрицис Бривземник добился, чтобы от имени Рижского латышского общества была собрана тысяча рублей в качестве награды за работу по изданию народных песен. А вот на печатание «Латышских дайн» собрать пожертвования не удастся. Генри Виссендорф обращается в Российскую Академию наук с просьбой взять на себя печатание остальных томов. В апреле 1900 года типография Академии наук в Петербурге принимается за изготовление недостающих латинских литер и дополнительных знаков. В 1903 году выходит второй том объемом в 1162 страницы с песнями, посвященными молодым годам человека. На сей раз Кришьянис Барон в качестве гонорара получил 150 экземпляров книги.

Так издание «Латышских дайн» переходит в ведение Российской Академии наук. Но и теперь нет возможности форсировать работу из-за ее сложности. Следующий, третий том, содержащий песни свадебного цикла и песни, отражающие семейную жизнь до старости и похорон, пришлось разбить на три отдельные книги, так как материал оказался столь обширным, что занял 2430 страниц. Первая книга третьего тома вышла в декабре 1904 года, вторая была подготовлена в период подъема революционной волны 1905 года и вышла в середине 1906 года, а третья только летом 1909 года.

Во время подготовки к изданию второго и третьего томов Кришьянис и Дарта Бароны живут в Задвинье, в двух небольших комнатах, которые снимают у одного знакомого по петербургским временам. Все здесь по-спартански просто и подчинено только работе. Сноха Барона Липа писала в своих воспоминаниях:

«Квартира была светлая и солнечная, лишь зимой обнаружилось, что у нее есть довольно большие недостатки. Там было холодно, особенно в передней комнате, где жила мать. Заднюю комнату занимал отец. Письменный стол стоял у единственного окна, слева от него помещался шкаф с дайнами, рядом с ним - конторка, которую отец завел еще в Острогжске. В Петербурге, работая в «Петербургас Авизес», он привык писать стоя (...) У противоположной стены находился сделанный самим отцом книжный шкаф с его библиотечкой, потом кровать, умывальник, на стенах несколько фотографий: отец с Иваном Станкевичем и группа московских латышей. В комнате было только два стула: рабочий стул отца и второй - для возможного гостя, - вот и все. Отец любил простоту и не терпел в своей комнате ненужную мебель».

В обществе Кришьянис Барон почти не появлялся - все его время проходит в подготовке к изданию очередного тома дайн. Задвинские рабочие, как бы рано они ни шли на работу и как бы поздно ни возвращались домой, проходя по тихой улице Доротейс (ныне - Эд. Смильгиса), видели в окне силуэт седого человека, который год от года «все больше к старости склонялся». Единственно куда его тянет - это к Фрицису Бривземнику, который тоже живет в Задвинье. Возродилась давняя московская традиция собираться в

его доме. Но нет уже былого рвеня и горения - время иное, соратники поседели. В 1907 году друзья проводили Фрициса Бривземниека в последний путь на Большое кладбище, похоронив рядом с Кришьянисом Валдемаром.

Как рассказывала сноха Барона Лина, после выхода второго тома «Латышских дайн» в его дом явилась делегация Рижского латышского общества, чтобы выразить составителю признательность за работу над народными песнями и преподнести ему денежный дар. Впервые представители латышской буржуазии официально отметили труд виднейшего латышского фольклориста. Кришьянис Барон, не ожидавший гостей, принял их в своей обычной «униформе». Ее диктовала прохладная комната: в поношенном пальтишке, к которому Дарта уже перестала пришивать пуговицы, надеясь, что тогда отец скорее откажется от него. Поэтому пальто было подпоясано шнурком. На ногах валенки, к которым он привык в России, на голове черная ермолка. На миг встретились два мира, причем два таких мира, которые в прошлом, если воспользоваться созданным Кришьянисом Бароном юмористическим образом, выросли из семейства двойников Микелиса Ванаса. Только один, устремившись вверх, чтобы добиваться богатства и славы, и думать забыл о собратях и культурных ценностях своего народа. Другой - отдал все, всю энергию своей жизни, все средства, все физические и духовные силы, чтобы сохранить духовное достояние страдающего веками народа и передать его последующим поколениям. Поколениям, которым действительно дорог труд Кришьяниса Барона, которым как хлеб, вода и воздух необходимо духовное прошлое народа и вера в его будущее.

Глава VI

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Лес - раскидистые кроны,
Старцы - речи умудренны;
Славен лес величием,
Славна старость мудростью.
LD, 27270

Осенью 1910 года выходит четвертый том «Латышских дайн», содержащий песни об отношениях латышских крестьян между собой, с господами и иноплеменниками. А 1 января 1915 года Генри Виссендорф с громадным облегчением пишет своему многолетнему компаньону:

«Поздравляю вас с завершением огромного труда! За него народ вам вечно будет благодарен. У меня будто камень с души свалился, когда последний лист был отпечатан. Эти песни спасены от забвения и гибели...»

В это же время из типографии приходит и пятый том с песнями, связанными с праздниками годового цикла, и с песнями мифологического характера. В приложении напечатаны песни, поступившие позже, и варианты к уже напечатанным ранее. Для нужд ученых издается и шестой том, содержащий полторы тысячи так называемых «непристойных песен». Той же осенью Кришьянис Барон отмечает свое восьмидесятилетие.

Время мрачное и тяжелое. Народы царской России, не оправившиеся еще от безумств карательных экспедиций, подавлявших революцию 1905 года, ввергнуты в новое бедствие - в огонь первой мировой войны. В конце 1915 года линия фронта проходит уже по Даугаве. Многие покидают оккупированную территорию, беженцами наводнена Россия. Многие еще с 1906 года находятся на чужбине, в эмиграции. Всю Курземе захватили старые недруги латышского народа. Издание латышских народных песен в

такое время, - а Российская Академия наук не прекратила их печатание, - это проявление солидарности, помогающей народу сохранить веру в себя, в свои силы, в свое бессмертие. Поэт Янис Райнис и его жена - поэтесса Аспазия, находящиеся с 1905 года в эмиграции, в связи с завершением выхода «Латышских дайн» и юбилеем Кришьяниса Барона в 1916 году посылают ему поздравление, содержащее восторженную оценку его труда:

«Достопочтенный наш отец Барон! Довольно поздно мы узнали, что Вы завершили труд своей жизни - издание наших бессмертных песен и дожили до такого юбилея. Но никогда не поздно для того, кто Вас любит и почитает, вместе со всем народом выразить свои чувства. Вы познали то редкостное счастье, когда можно сложить руки в благой вечер жизни и сказать: «Я добился своей цели и свершил замысел свой». Трехцветное солнце¹ нашей народной красоты да будет над Вашей головой, отгоняя все страшные грозы и беды, которые яростно нависли над нашим народом. Вы, дорогой наш патриарх, предтеча будущих поколений и одновременно потомок предыдущих, Вы смыкаете круг их бессмертия. Вы знаете, что этот народ, 700 лет переносивший жесточайшее рабство и бесчеловечный гнет, теперь уже не погибнет. Наш язык могут заставить замолчать или коверкать его по образцу чужих языков, но в ушах наших звучат собранные Вами песни и они откликаются в наших сердцах. У нас можно отнять все, только не нашу любовь. Она сохраняется, передаваясь от поколения к поколению и в далеких пределах, словно священный огонь...»

¹ Трехцветное солнце (синь-зелелено-красное) - образ из поэзии Я. Райниса.

Завершен почти полувековой труд. Дайны вышли в шести томах (восемь книг), содержащих 6256 страниц и 217 996 песен. Поэты правы - Кришьянис Барон может быть счастлив, что ему удалось завершить начатое в молодости дело, остаться верным прежним идеалам, сохранить чувство, что он принадлежит к «народному стволу», чьи корни глубоко уходят в землю. И как бы ни были тяжки отдельные периоды его жизни, осуществляя свой труд, он как личность проявился в трех аспектах - ученого, поэта, воспитателя будущих поколений. Дело его рук останется в памяти народа как образец самоотверженного героического труда. Не случайно революционный поэт Линард Лайцен в предисловии к Сборнику избранных дайн для советского латышского читателя в 1935 году писал:

«Тома «Латышских дайн» связаны с именем Кришьяниса Барона так же, как любая хорошая поэтическая книга связана с именем ее автора... Труд жизни Барона - это такой труд, который не каждый народ и сегодня может предьявить. Такого собрания систематизированных песен, которое представлено в «Латышских дайнах», еще не имеют многие народы, хотя они и находились в несравненно лучших условиях для культурной деятельности, чем латыши».

Выпуском «Латышских дайн» Кришьянис Барон поднял на огромную высоту некогда начатый младолатышами труд, позволивший, опираясь на художественный и нравственный опыт народа, открыть путь для развития искусства в новых условиях. Если до выхода «Латышских дайн» латышским писателям первых поколений приходилось осваивать традиции народного искусства лишь по фольклору своей местности и, главным образом, по преданиям, слышанным в детстве, то в начале XX века художникам становится доступным устное народное творчество во всем его объеме.

Что для латышской поэзии значит труд Кришьяниса Барона, убедительно показывают тома «Латышских дайн» в библиотеке Музея народного поэта Латвии Яна Райниса на Рижском взморье. Сотня страниц испещрены пометками, вопросительными знаками, подчеркиваниями, выписками, сделанными рукой поэта.

Живет душа их ныне в нашей жизни
И нашему труду помочь стремится,
Приходу новой жизни помогает, -

пишет Райнис в прологе своей знаменитой пьесы «Вей, ветерок!». В пьесе судьба сиротки описана средствами народной песни, иногда заимствуются целые строки и строфы. Даже в философских произведениях Райниса с их современным восприятием космоса и человечества, где, казалось бы, нет места фольклору, можно заметить его благотворное влияние. Обратимся хотя бы к поэме, которую автор назвал латинским приветствием солнца - Ave, sol!». При всем современном поэтическом языке поэмы чувствуется ритмическая пластика народной песни, ее образы, ее тепло. Особенно в динамичном, сверкающем образе Солнца:

Солнце, сил набравшись снопа,
Восстает над головою,
Ярким смехом сверху брызжет,
Гонит борозды лучисто:
Кони с гривой золотою,
Плуг алмазного сиянья,
Сыплет в землю зерна света,
Искры мечет из кошницы...

И если латышская письменная литература за неполные сто лет смогла стать рядом с искусством народов, имеющих многовековую литературную традицию, то основная заслуга здесь принадлежит именно фольклору.

«Латышские дайны» Кришьяниса Барона оказали плодотворное влияние и на другие сферы искусства, и в первую очередь - на музыку. С 70-х годов параллельно с собиранием песенных текстов записываются и мелодии. Самым значительным изданием на исходе века были собранные Андреем Юрьяном и вышедшие в шести выпусках «Музыкальные материалы латышского народа» (1894 - 1926). Здесь опубликовано более тысячи народных мелодий. Один из выдающихся специалистов в области истории музыки Екаб Витолинь, сравнивая этот труд с «Латышскими дайнами», делает вывод:

«При всем большом отличии в объеме этих трудов, оба они сыграли принципиальное значение в области усвоения и изучения текстов и мелодий латышских народных песен. Многие собиратели, особенно школьные учителя, руководители любительских хоров и др., в пригоршнях своих, словно нектар, сносили тексты и мелодии в соты Кришьяниса Барона и Андрея Юрьяна. Здесь явно две стороны одного и того же процесса. К сожалению, труд Андрея Юрьяна по систематизации и публикации собранных мелодий остался незавершенным и не имеет такой законченности, как «Латышские дайны».

Очень тесные творческие контакты установились у Кришьяниса Барона с выдающимся латышским композитором и специалистом по музыкальному фольклору, будущим народным артистом ЛССР Эмилом Мелигайлисом, который приобрел особую популярность яркими музыкальными обработками народных песен для хоров. Его сотрудничество с Бароном и почтение к труду Отца дайн особенно подчеркнуты в предисловии к первому выпуску сборника песен «Рощи и поляны», увидевшего свет в 1902 году:

«В связи с выходом этого сборника мне доставляет особую радость поблагодарить тех, чьи собранные материалы красотой своею подвигнули меня на этот труд. Прежде всего приношу свою сердечную признательность неустанному собирателю народных песен, нашему достопочтенному господину Барону. Он не только дал мне возможность пользоваться своими находящимися в рукописях материалами, но не отказывал и в мудрых советах, в выборе наилучших вариантов (...) Собиратели духовного богатства народа должны ощущать благую радость, что они закладывают краеугольные камни дворца народного искусства».

А издавая в 1912 году второй выпуск сборника «Рощи и поляны» Эмиль Мелнгайлис пишет в заключение:

«Все наше народное искусство имеет началом народную поэзию. Собирателю и хранителю его Кришьянису Барону я хочу выразить все ту же глубочайшую признательность, которую я уже высказывал в первом выпуске. Бессмертная честь ему и слава!»

Уже после выхода первой книги «Латышских дайн» в 1898 году петербургская газета «Правительственный вестник» помещает рецензию:

«Очевидно, книге этой, несмотря на то, что она латышская, следует отвести должное место в библиографическом отделе русской газеты по нескольким причинам. Во-первых, она является богатым этнографическим материалом народности, всецело входящей в состав российской империи; во-вторых, сведение о появлении ее в печати весьма желательно для людей науки; в-третьих, книга эта представляет совершенную новинку и громадна по содержанию, так как в ней помещено около 5500 песен и 15000 вариантов. Издание это начато в 1894 году, когда появился первый выпуск, - а десять выпусков составили первый том. Всех томов будет четыре и в них появится около 20 000 песен и 60 000 вариантов. Нельзя не отдать полной справедливости составителям, в особенности во внимание к их добросовестности и точности издания. Так, например, полезно было бы русским издателям песен взять пример с реестров, сопровождающих книгу, в которых вполне точно обозначено: кем, когда и где записана каждая песня. На собиране песен пошло около 20 лет, и много потрачено как на это, так и на печатание материальных средств. Не вдаваясь в разбор самой книги, следует, однако, упомянуть, что в этих тысячах песен имеются драгоценнейшие бытования и исторические указания, касающиеся не только латышей, но также литовцев, пруссов, русских и эстов. Перевод на русский язык хотя бы и десятой доли этих песен был бы крайне желателен».

В 1904 году журнал «Веротайс» («Наблюдатель») приводит изложение взглядов профессора Александра Погодина на развитие латышской этнографии:

«Самым значительным явлением в деятельности латышских этнографов последних лет следует считать гигантский свод народных песен... Латышская поэзия доселе для науки почти что не существовала, несмотря на многочисленные издания песен, выходявшие раньше. А латышская народная песня в этнографическом отношении заслуживает серьезного внимания, особенно сейчас, когда лирическая поэзия русского народа складывается в форме четверостишия - явление, сходное с латышской, финской, частично и с немецкой песней».

«На основе «Латышских дайн» возникла и развивается латышская филология», - подчеркивал выдающийся языковед профессор Ян Эндзелин, один из виднейших в Европе специалистов по балтийским языкам.

Отвечая на поздравления и благодарственные письма, которые приходили от деятелей культуры и простых читателей, собиратель дайн отвечал им словами дайны:

Не хвалите, не хвалите,
Не хочу я похвалы!
Дело лучше всех похвалит,
Дело лучше всех наставит!

*

Сауле Месяц колотила
Серебристым корневищем:
Сауле высадила розы,
Месяц поморозил их.

LD, 33927

Работу над песнями Кришьянис Барон заканчивал, живя в Буртниекском доме в Вецмилгрависе. Дом этот после революции 1905 года выстроил на окраине Риги, где жили рыбаки и рабочие лесопилок, один из буржуазных меценатов - близкий знакомый Кришьяниса Валдемара Август Домбровский. Предназначался дом специально для деятелей латышской культуры, у которых всегда туго с деньгами и жизнь всегда необеспеченная. Кришьянис и Дарта Барон поселились там 22 марта 1909 года. О новом своем доме они писали родственникам:

«Само местожительство куда лучше и здоровее, чем в людной Риге. Живем мы будто на самой земле, хороший, свежий воздух, так как сразу же за воротами большой, сухой сосновый лес. По одну сторону вдоль Даугавы тянется поселок Ринужи с церковью и мореходной школой, дальше Вецмилгравис со всякими деревообрабатывающими заводами: по другую, за лесом, большое Киш-озеро; к северо-западу, верстах в четырех от нас, уже и море, до которого и тянется наш лес. Сообщение с Ригой довольно удобное, так как туда каждый час идет по Даугаве пассажирский пароходик. От Яунмилгрависа можно и по железной дороге. Мы живем по-стариковски тихо и спокойно...»

До первой мировой войны в Буртниекском доме жили и навещались туда многие видные деятели культуры: основоположники латышского ваяния - Густав Шкилтер, Теодор Залькалн; писатель и художник Янис Яунсудрабинь; поэты Карлис Скалбе, Леон Паэгле, Карлис Круза, Антон Аустринь; композитор Янис Залитис. Потому-то и сохранилось обилие портретов Кришьяниса Барона - как живописных, так и словесных.

Янис Яунсудрабинь, писатель, который довольно долго жил в Буртниекском доме, в своих воспоминаниях писал об этом так:

«Уже тогда совершенно седой, Барон для нас, молодых, служил примером. Утреннее солнце, первым заглядывавшее в его рабочую комнату, не заставляло его за письменным столом лишь в разгаре лета. Во всем доме царит тишина, а его пальцы уже перебирают маленькие листочки с песнями, которых у него были многие тысячи... Поработав некоторое время над песнями, он выходил с ведром воды, лопатой, а то с пилой, и принимался за другое дело. Часто их с супругой можно было застать во дворе, где они развешивали белье. За домом рос посаженный ими дуб, который в летнюю жару надо было часто поливать. Сад и клумбы требовали много воды. Для плиты нужны были дрова. Гости ли к ним заходили, знакомые, а то и просто чужие люди, - все часто заставляли его у дровяного сарая, где он каждое полено отмеривал и распиливал так аккуратно, словно это нерушимая строка народной песни. На балконе, с солнечной стороны, у него было что-то вроде небольшой мастерской. Там стоял верстак и хранились необходимые столярные инструменты. И здесь часто можно было видеть Барона.

Ежедневно, если только погода была не очень скверная, он шел в лес гулять. В черном пальто, белобородый, с густыми белыми бровями, он шел точно сам древний Диев между соснами на дюнах. Разглядывал деревья, землю, птиц и насекомых. Весной, еще до дня Мары⁴, он уже замечал выползших муравьев. Вон белка чихнула и барабанит лапками по сосновой ветке, мимо которой он идет. «И кто тебя так выучил!» - восклицает он. Каждый раз в лесу было что-то новое, заслуживающее внимания. Каждый раз он приходил с какими-нибудь диковинками. Эти узловатые корневища на другой день превращались в красивые, словно из кости, вешалки для полотенец...»

⁴ День Мары - 25 марта - но народному поверью в этот день оживает природа.

В Буртниекском доме престарелый собиратель фольклора сам понемногу становился сказкой. Образ его жизни был уже чужд тем, кто находился в середине жизненного пути, полный сил и движения, но был мил и близок тем, кто живет сказкой и чудом, - детям и старцам. Каждое утро перед окном Барона поет белый петух, пробуждая его ото сна и ожидая хлебных крошек. Каждое утро к стулу на веранде подходит пеструшка, чтобы снести своему хозяину яйцо. Однажды маленькая девочка, встретив

Кришьяниса Барона в Вецмилгравском лесу, спросила, не он ли тот дед, который приносит детям рождественские подарки? Как-то, встретив милгравского рабочего, Барон захотел узнать, сколько тому лет. Услышав, что всего лишь семьдесят пять, он с гордостью произнес: «А мне вот за восемьдесят!» На что рабочий ответил с еще большей гордостью: «Это что! Вот моему брату, он тоже в Милгрависе живет, девяносто восемь!»

Незадолго до первой мировой войны начала прихварывать преданная подруга жизни Барона Дарта. Летом 1913 года она еще раз поехала в Петербург, чтобы побывать на кладбище, повидаться с тамошними латышами, которые были ее лучшими друзьями в трудные годы, когда мужу приходилось зарабатывать на жизнь вдали от семьи. Весной 1914 года она жила и лечилась в семье сына, в Риге, но все оказалось напрасно - 20 июня супруги разлучились навсегда.

В Буртниеком доме, откуда один за другим уезжали прежние обитатели, Кришьянис Барон прожил до конца 1919 года.

В одиночестве он как бы сдал. Особенно ухудшилось зрение. Сноха, находившаяся в эвакуации, изумлялась письмам свекра: некогда мелкий, четкий почерк исчез. Письма пишутся на тщательно разлинованной бумаге, но рука все равно трясется и буквы лезут то вверх, то проваливаются под линию. Очевидно поэтому независимый и самостоятельный прежде человек, в конце 1919 года вновь встретившись с сыном, уже не противился, когда получил очередное предложение жить с родными в Риге. Перед тем, как проститься с Буртниеком домом, где прошло столько солнечных и столько грустных дней, Кришьянис Барон еще раз измерил посаженный им перед домом дуб. Среди немногочисленных листков, написанных им на закате жизни, есть и такой:

Мой дуб в Буртниеке. (доме) 20.VIII.19:
один фут над землей - 19 дюймов в обхв.
пять —, — - 14 и 5/8 —, —

*

Уходило солнце на ночь,
Все вершинки одарило.
Липе венчик золотистый,
Дубу венчик серебристый,
Молодому клепкку
Перстень золотой.

LD, 83879

Осенью 1919 года Кришьянис Барон переезжает в Ригу. В городе еще гремят орудия - империалистическая Германия делает последнюю попытку удержать в своих руках власть в Латвии, которая стараниями Антанты была преобразована в буржуазную республику - буферное государство между революционной Россией и европейскими странами. Седовласый Кришьянис Барон, десятилетиями разделявший судьбу своего народа, и теперь не знает покоя. Мало того, что квартира его находится в одном из районов, где снаряды падают чаще всего, он почти каждый день идет от центра города к набережной, на противоположной стороне которой укрепились немцы. Он единственный прохожий там, где штатские избегают бывать, - точно ему и не грозит опасность, точно ему сама Лайма вверила заботу о своем народе теперь, когда телами погибших заполняется еще невиданный в истории народа скорбный мемориал - Братское кладбище в Межапарке, когда отмеченные белыми березовыми крестами братские могилы появились в Тирельских болотах, на Острове смерти, на Земгальской равнине и на Видземских

холмах. Жизнь относительно нормализуется только в начале 1920 года, когда буржуазная Латвия заключила мир с Советским Союзом.

Хотя здоровье и зрение становятся все хуже, в последние годы жизни Кришьянис Барон занят серьезным делом - по предложению министерства просвещения он готовит сборник избранных латышских дайн для учащейся молодежи. И здесь он придерживается принципа - дать представление не только о самых интересных, красивых песнях, но и подчеркнуть неразрывное единство этих песен с жизнью народа, с радостными и горестными днями в жизни человека, пусть даже публикация получится обширной. И еще необходимо показать, как в дайнах воспевается труд - основа радостной жизни, источник человеческой силы и вдохновения. Кришьянис Барон чувствует - в измученной бесчисленными политическими переменами стране, в подавленных ужасами войны и напуганных неизвестностью людях исчезает вера в смысл труда, исчезает стремление к высокой жизненной цели, которая с ранней молодости держала его в состоянии напряжения и динамики, словно натянутый лук. «Упование на результат труда - вот что мне помогало, когда я уставал».

На той горке рожь посеял,
На той высадил дубочки.
Пчелка вьется, рожь цветет,
Я люблюсь и пою.

LD, 645

Ты зачем, сестра, так ярко
Разузорила накидку? -
Чтобы чтили-почитали
Рукодельницу вокруг.

LD, 7431 140

Ноги черные у пахаря,
Да в руках золотая чарка.
Ночи черные у рыбака,
Да в челночке серебро.

LD, 28265

Сноха, старавшаяся по мере возможности помогать Барону в работе над избранными дайнами, рассказывает об этом возвращении к тысячам песен:

«... мы начали читать «Дайны». Мне было приятно работать под началом отца, слушать его объяснения и углубляться в поэзию нашего народа. Ах, какие перлы рассеяны по всему этому собранию! Некоторые дайны захватывали нас простотой, глубокой сердечностью. Например, песня, где сиротка скорбит о той, что дала ей имя, где братец расстается с отчим домом, уходя на войну, или где говорится о том, как взрослая дочь благодарит свою старую мать и заботится о ней. Я заметила, читая эти песни, как глаза отца наполняются слезами. Может быть, он уносился мыслью в далекое прошлое к покойной матушке или песня напоминала об ушедшей, такой душевной и такой заботливой супруге? В других разделах читали песни с таким ядреным юмором и здоровой насмешкой, что отец весело смеялся. Во время этого чтения я изумлялась необыкновенной памяти отца. Случалось, читаю я песню, отцу не очень нравится какой-нибудь оборот, и он спрашивает, нет ли там варианта. Нет, должен быть, говорит, загляни-ка в дополнение к пятому тому. И верно, есть, нахожу вариант, есть и название местности;

пока я ищу дальнейшее, отец уже называет имя того, кто прислал эту песню. В своих «Дайнах» он был как дома, знал каждую строфу...»

Лето 1922 года Кришьянис Барон провел в тех местах, которые исходил в молодости, будучи студентом. Семье Барона предоставили небольшой хуторок на правом берегу Гауи в Турайде. Хуторок тут же нарекли «Дайны». Раннее утро начиналось для Барона с похода к легендарной пещере Гутмана. Легенда рассказывает, что здесь в начале XVII века, во время польско-шведской войны, погибла самая красивая девушка Турайды - Майя, «Турайдская Роза», которая предпочла смерть, лишь бы не стать жертвой насильника, офицера-наемника. Из пещеры вытекает чистый ручей, и Барон, напившись и наполнив взятый с собой кувшин, отправлялся домой. А после завтрака, если позволяла погода, опять уходил на крутой берег Гауи, куда даже закаленному путешественнику взобраться трудно. Лина Барон рассказывает, вспоминая это лето:

«Как-то один молодой человек поднимался по отвесной тропе на Турайдский откос и, устав, присел. И вот он видит, как по этой же самой тропе поднимается седовласый старик - идет себе и идет, поднялся на самый верх, даже не подумал присесть, а пройдя мимо сидящего, подошел к обрыву, откуда открывается чудесный вид на долину Гауи, посмотрел на нее и медленным широким шагом направился дальше. Старик вовсе не выглядел усталым. И только тут сидевший сообразил, что это был Барон...».

Недалеко от хуторка «Дайны» на берегу Гауи рос столетний ветвистый дуб, каких немало раскидано по полям Латвии. С обломанными ветвями, просушенные жарким солнцем, вымоченные дождями, стоят они как древние богатыри. Под этим старым дубом Кришьянис Барон любил отдыхать, охотно проводил время.

У широкого у дуба
Тройной пояс золотой,
Будь то пчелы, будь то змеи -
Листиком не шелохнет.
LD, 34158

Седой, в белой одежде, с палкой в руке под могучим дубом - таким он остался в памяти современников. Словно Диев древних латышей, не гневаясь, не ожидая поклонения, помогает он всем обиженным судьбой; словно сама тысячелетняя доброта народа идет по жизни, объединяя человека и природу в единое целое, уча, в праздники и будни, понимать глубокую закономерность природы, связь времени и бесконечности с плодоносящей, прекрасной и цветущей землей.

Диев прошел ржаное поле
В своем сером одеянье.
Так за ним и протянулся
Полог из колосьев серых.
LD, 32533

На хуторе Барон пробыл до поздней осени. Долгие вечера, когда рано темнеет, проходят в чтении газет, беседах. Сноху поражает великолепная память свекра не только там, где дело касается песен. Оказывается, Кришьянис Барон знает наизусть весь длинный пролог к «Фаусту» Гете, «Песнь о колоколе» Шиллера и стихи Гейне. Когда разговор заходит о специальности молодых лет - астрономии, он вспоминает даже числа, выражающиеся миллионами и триллионами.

«Как-то вечером отец объяснял мне строение нашей солнечной системы, в другой раз говорил о возникновении планет. В изложении отца все становилось ясным и понятным: слушая его, я невольно испытывала такое чувство, будто нахожусь у самого источника мудрости. Глубокое спокойствие, исходившее от его личности, богатый

жизненный опыт, определенность и четкость взглядов, духовное совершенство, сочетающееся с благодушной стариковской внешностью, вызвали глубокое уважение и бесконечное доверие».

Лето 1922 года - последняя яркая вспышка сил. Возвратившись в Ригу, Барон ясно чувствует, что энергия и здоровье тают, как снег на солнце. В это время он неоднократно повторяет слова дайны:

Дай мне, боже, так скончаться,
Как родители скончались:
С цепом в овине батюшка,
С квашней у печи матушка.

LD, 27687

Не раз Барона навещает Эмиль Мелнгайлс, от которого веет жизнелюбием и неумемной энергией. Он пешком и на «самокате» путешествует по Латвии, собирая народные мелодии, к восторгу своему обнаруживая все новые и новые изумительные песни в самых забытых, дальних местах. Мелнгайлс оставил воспоминания об атмосфере последнего полугодия жизни Барона и его портрет.

«С прошлого года, с осени еще, Барон начал слабеть. Определенной болезни не было, но старческая слабость одолевала усталое от жизни тело. Ухудшался аппетит, который и в восемьдесят лет был у него хороший. Стал худеть. Когда я заглянул к нему в праздники, он с улыбкой сказал мне: «Знаете, батюшка, а я ведь уже к концу иду». Он понимал, что его уже ждут в загробном мире и подруга жизни и благородные единомышленники во главе с Валдемаром.

До последней минуты ум его оставался светлым и ясным. Он был недоволен всей нашей жизнью. 7 марта сын читал ему газету. Он очень осуждал политическую атмосферу, в которой мы жили. Его огорчали интриги государственных деятелей. Можно сказать, последними словами Барона были: «Никакие они не политики!» До самого своего конца он работал. «Избранные дайны» - его последний труд».

В этот же день, 7 марта, издательство «Вальтер и Рапа» сделало ему примечательный подарок - прислало второе издание «Латышских дайн», полностью повторяющее издание 1894-1915 годов. «Да, да, пришлось немножко поработать», - тихо сказал он, когда семья обрадовалась этому. Но все уже чувствовали, что отец думает о скором прощании. Это случилось в ночь на 8 марта 1923 года...

Проживу я только малость,
А не столько, сколько солнце,
Это у воды да камня
Век такой, как у него.

LD, 27677

Запрягите серо-чалых,
На погост меня свезите.
Серо-чалые вернулись,
Мне уже возврата нет...

LD, 27476,7

Что уж землю зря то хаять,
От земли одно лишь благо:
Напоила, накормила,
Мои кости схоронила.

Вечный приют Кришьяниса Барона - Большое кладбище в Риге. Рядом с Валдемаром, рядом с Бривземниексом, рядом с Дартой Барон. Он просил не ставить ему памятник - памятником себе он хотел видеть «Латышские дайны».

*

Все как есть пропеты песни,
Лишь отцовская не спета,
Эту песню петь я буду,
Как усядусь на коня.

LD, 1048

Выдающийся индийский ученый, президент Индийской литературной академии Сунити Кумар Чаттерджи в 1968 году охарактеризовал Кришьяниса Барона как личность международного масштаба, которого можно сравнить с легендарным автором индийского национального эпоса «Махабхарата» и систематизатором «Вед» Вьясом. Так же, как и «Веды», «Латышские дайны» не остались в истории народа только грандиозным памятником их собирателю и сводом канонических текстов старины. Этот труд обладает поразительным свойством порождать все новые произведения, органично входить в историю культуры народа и в современное искусство.

Когда Кришьянис Барон и его соратники в 60-х годах прошлого века начинали сбор фольклорных материалов, они были убеждены, что сумеют найти лишь немного сохранившееся в глубинах памяти народа. Работая над «Латышскими дайнами», Барон был поражен мощным потоком материала, который не иссякал и до момента печатания последнего тома. И все же, завершая издание, он ощущал, что сделано далеко не все. Действительно, сам факт издания песен и мелодий, возрождение и обработка этих песен современными композиторами, исполнение их на певческих праздниках — все это побуждает вспомнить полузабытые песни. В 20-х и 30-х годах обнаруживаются все новые и новые сказители и певицы, записываются новые песни и поразительно интересные варианты старых. В 1925 году создается Латышский фольклорный фонд, который среди прочего занимается и подготовкой будущих собирателей фольклора. К моменту восстановления Советской власти в Латвии в 1940 году собрание народных песен удвоилось и вышло четыре дополнительных тома к «Латышским дайнам». Но и на этом собрание фольклора не закончилось, хотя его на время прервала Великая Отечественная война. Сразу после войны, с 1946 года, организуются обширные фольклорные экспедиции. В них участвуют не только собиратели мелодий и песен, но и хореографы, этнографы и другие специалисты. И вновь - как это ни поразительно - обнаруживаются новые сказительницы, хранительницы народных традиций.

«Погоди, погоди, мне надо вслушаться, как матушка пела», - говорит участнику экспедиции сказительница из Латгалии. И она слушает в молчании голос, который слышала еще до двух мировых войн, до революции, изменившей жизнь народа, направившей ее по новому пути. Голос, который и сегодня так дорог нам заключенными в нем мудростью и чувством прекрасного, веками вынашиваемых народом.

Нет сейчас в Латвии такой семьи, которая не знала бы имени народного поэта Иманта Зиедониса, которая не слышала бы песен на стихи Яниса Петерса. Многих восхищает поэтический талант Мирдзы Кемпе, Арии Элксне, Визмы Белшевиц, суровые строфы народного поэта Ояра Вацietиса. Но и в их творчестве полновластно звучат наряду с тематикой сегодняшней жизни - мотивы народных песен, чувствуется унаследованное от дедов отношение к жизни.

Настоящими народными торжествами стали Праздники песни Советской Латвии, на которые прибывают гости со всех концов Советского Союза и из-за рубежа.

Пусть же вечно пребудет песня,
Ну и пиво, что песня воспела!..
Наш Певческий праздник - и там
Девчушка в чулочках белых.

Море сагш⁸ и венков...
Синеглазая - эта девчонка!
Из дундагских, верно, садов –
Белый цветок в ручонках.
Все разнотравьем пестрит...
Что делать с цветком - не знаю.
Сквозь море ветвей и стеблей.
К воротам едва попадаю.

Оглянулся. А эта девчушка,
Что в белых-белых чулочках,
Растворилась в народе моем
Тоненьким голосочком.

Торжественно песня гудит,
Все благоговейно внимают.
И такой он белый — цветок,
Что как донести — не знаю.

Положив его на столб ворот,
Ухожу. А вслед несется:
«Ты запой, запой, мой братец,
Голос мой с твоим сольется».

8 Сагша - наплечный платок с ярким орнаментом, принадлежность женского национального костюма.

Дайны включают в свой репертуар все латышские хоры, дайна помогла выйти за рубежи родины хорам «Дзиедонис», «Дзинтарс», «Ave, sol», которые ныне считаются лучшими в мире.

Вспомним триумф хора «Ave, sol» на II международном конкурсе полифонических хоровых коллективов в Гвидо д'Ареццо.

«Для решающего состязания были оставлены две красивейшие и вместе с тем полифонически разнообразные и интересные обработки латышских народных песен «Зайди, солнышко» Екаба Граубиня и «Помогите, девушки, мне петь» Алфреда Калниня. На сей раз хор как будто превзошел себя, - рассказывает музыковед Диана Албина. - Это был один из тех счастливых моментов, когда дирижер, солист и каждый хорист жили одним дыханием. Это было удивительное коллективное музицирование. Долго еще - и хор уже покинул сцену, и отзвучали аплодисменты и истинно итальянские восторженные возгласы, - долго еще хор не мог прийти в себя от пережитого. Было как-то жаль расставаться с песней, с чувством единения, охватившим всех, чувством, которым во многом обязаны дирижеру Иманту Кокарсу... Хор победил! Сразу же после выступления, хотя еще не было решения жюри, коллектив поздравили с победой певцы города Брно. Горячо пожимали руки венецианцы, которые в этой борьбе остались позади рижан. Даже их пленила красота наших песен».

И вот, когда кажется, что уходят уже на последний покой последние истинно народные исполнительницы дайн, у которых еще на слуху древнее «матушкино пенье», в середине 70-х годов неожиданно один за другим возникают фольклорные ансамбли. Зрители в залах, клубах, на концертах поражаются своей молодежи. Отбросив джинсы и гитары, отыскав в бабушкиных сундуках народные костюмы - иногда яркие и богатые, иногда простые и скромные, молодежь поет:

Тихо, чутко, осторожно
Перкон шествует от моря:
Цвет черемухи не сдунул,
Братней нивы не коснулся,
Братней нивы не коснулся
И посевы не задел.

LD, 2884

На вопросы: что вас привлекает в народной песне? Что вы в ней находите? - молодые отвечают: Самих себя. Радость жизни. Любовь. Мир. Этические принципы.

Да, это так. Народная песня сближает с природой. Воспитывает чувство семьи, человечность, любовь к труду. Учит чуткости в отношениях между людьми. Она всегда современна, потому что ее основы те же, на которых строится любая жизнь. В ней солнце, любовь, радость, культ труда. И вера - вера в лучшее в человеке.

И сейчас, в последней четверти XX века, когда наблюдается возрождение фольклора, Академия наук Латвии выпускает новое, обширное издание «Латышских народных песен». Оно включает «Латышские дайны» и исследования современных фольклористов. Во вступлении к первому тому есть примечательные строки - отклик на «Латышские дайны» и комментарий:

«Три укладки всяких песен
У меня на хмельнике,
За три года не сумела
Те, что сверху, перепеть,

LD, 30,1

горделиво хвасталась своим песенным богатством одна из певиц прошлого столетия. И не только она одна. В «Латышских дайнах» Кришьяниса Барона эта песня приведена в 63 вариантах. В новом издании число их достигает 212, и пришли они со всех концов Латвии...»

Когда все это огромное издание выйдет, пятнадцать (а возможно и больше) томов его будут величайшим подарком латышского народа общечеловеческой культуре. Это рассказ одного народа о своей повседневной жизни, мировоззрении, о своем пути к будущему. И еще - повествование о тех крепких и прекрасных корнях, которые тянутся от одного народа к другим через века, о корнях, которые соединяют и образуют наши языки, нашу этнографию и историю, которые определяют слияние народа с человечеством, повествование, которое с помощью ученых других народов предстоит освоить и всесторонне изучить. Начало всему было положено собранием «Латышских дайн». И пока живо семья, посеянное Кришьянисом Бароном, жива будет и память об Отце дайн, этом седовласом старце.

**ГОДЫ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

- 1835 родился 31 октября в Струтельской волости (ныне поселок Виесату Тукумского района)
- 1837 семья переезжает в Иле
- 1844 умер отец Кришьяниса Юрис Барон
- 1845 мать Кришьяниса Энгеле переселяется с сыном в Валпене Дундагской волости. Кришьянис начинает посещать школу Э.Динсберга в Кубеле
- 1847 учеба в Вентспилсской начальной школе, затем в уездном училище
- 1852-1855 годы ученья в Елгавской гимназии
- 1856-1860 студент физико-математического факультета Дерптского (Гартуского) университета, участвует в студенческом кружке, сотрудничает в газете «Маяс Виесис» (1856-1857)
- 1857 публикует статью «Эстонские народные песни»
- 1859 выходит книга «Описание нашего отечества»
- 1860 уходит из университета из-за отсутствия средств, живет в Валпене
- 1862 приезжает в Петербург, участвует в организации газеты «Петербургас Авизес» и до ее закрытия в 1865 году публикует в ней около 100 статей по естественнонаучным, педагогическим и другим вопросам, ряд рассказов и стихотворений
- 1865-1867 работает переводчиком в министерстве народного образования в Петербурге, составляет обширный библиографический указатель
- 1867 в качестве домашнего учителя приезжает в семью И. Станкевича, живет в Воронежской губернии и в Москве
- 1878 полностью берет на себя начатое Фр. Бривземниексом собрание латышских народных песен
- 1880 переезжает в Москву, работает в Мариинской женской гимназии
- 1881 избран членом-сотрудником Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
- 1893 возвращается в Ригу и поселяется в доме по ул. Суворова (ныне Кр. Барона)
- 1894 в Митаве (Елгаве) выходит первый том латышских народных песен «Латышские дайны»
- 1900-1909 живет в Риге, на ул. Доротейс, 23-а и работает над составлением второго, третьего и четвертого томов народных песен
- 1909-1919 живет в Вецмилгрависе (пригород Риги) в Буртнекском доме
- 1915 выходят последние - пятый и шестой –

- 1919 тома «Латышских дайн»
переезжает в Ригу, где живет семья сына.
Занимается составлением
«Избранных латышских дайн»
- 1922 лето в Турайде
- 1923 8 марта - день смерти Кришьяниса Барона

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ЦГИАМ - Центральный государственный исторический
архив г. Москвы
- ЦГИАЛ - Центральный государственный исторический
архив г. Ленинграда

В книге использованы материалы сектора фольклора Института языка и литературы и Фундаментальной библиотеки Академии наук Латвийской ССР, Музея истории литературы и искусства им. Я. Райниса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Молодость	10
Глава II. Дерптские латыши	30
Глава III. Петербург	49
Глава IV. Собрание народных песен	77
Глава V. Составление «Латышских дайн»	102
Глава VI. Возрождение народной песни	126
Годы жизни и деятельности	153